

A movie poster for the film 'Семь смертных грехов'. The central figure is a woman with long, dark, flowing hair, wearing a vibrant red, strapless, floor-length gown. She is positioned in the middle ground, looking back over her right shoulder towards the viewer. The background is a dark, atmospheric night scene. To the left, a large, two-story house with white columns and a porch is illuminated from within, with a man in a dark suit standing near the entrance. To the right, another man in a dark suit is seen from behind, walking away on a path. The sky is dark blue with scattered clouds, and a large, bright full moon hangs in the upper right corner. The overall mood is mysterious and dramatic.

Андрей Витальевич Стародубцев

**СЕМЬ
СМЕРТНЫХ
ГРЕХОВ**

Андрей Стародубцев

Семь смертных грехов

<https://litres.ru/73187138>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семь смертей. Одна семья. Пропавшая дочь В особняке на холме больше секретов, чем кажется. И убийца кто-то из своих

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

105

Андрей Стародубцев

Семь смертных грехов

Глава 1

НОРФОЛК: ТЕНЬ ПРОШЛОГО

Горе строящему город на крови и созидающему крепости неправдою!

Авв. 2:12

Раннее утро Норфолка поначалу ничем не отличалось от всех предыдущих – такое же монотонное и размеренно спокойное. Вязкая тишина всё ещё окутывала узкие улочки, а над водами залива медленно расплзался туман. Но как только первые лучи солнца, пробившиеся сквозь лёгкую дымку, упали на витрины киосков – тут же стало ясно: иллюзия спокойствия осталась в прошлом.

Первые полосы ведущих изданий пестрели заголовками: «Похищение или побег? Загадочная пропажа наследницы империи Риверов!», «Час расплаты: что скрывала Кристина Ривер?», «Тёмные истории династии миллиардеров!». Каждое издание стремилось перещеголять конкурентов, выставляя на всеобщее обозрение всё новые пикантные подробности из жизни влиятельной семьи. Журналисты соревновались в драматизме, подбирая самые острые формулировки и

намекая на тайны, способные перевернуть представления о местной элите общества.

Обычные горожане, спешащие на работу, останавливались у киосков, с любопытством разглядывали газетные прилавки и удивленно перешёптывались. Ещё недавно Риверы олицетворяли собой безупречность и успех – состоятельные, уважаемые, безупречные во всём. А сегодня их имя не сходило с первых полос, обрастая слухами и домыслами. Что же на самом деле скрывалось за фасадом благополучия Риверов? Этот вопрос теперь занимал каждого, кто брал в руки утреннюю газету.

Джордж Ривер никогда не верил ни в судьбу, ни в случай, зато он твёрдо верил в своё предназначение. Он был скорее игроком, который привык рассчитывать не на удачу, а на чёткую стратегию.

Он знал: простая постановка цели – ещё не путь к успеху. Даже достигнув желаемого, ты рискуешь обнаружить, что обрётённая реальность лишь отдалённо напоминает вождённую мечту. Простой пример: хочешь машину – получишь не роскошный «мерседес», а скромный «форд», стремишься к богатству и успеху – помни: сегодня они есть, а завтра могут исчезнуть. Успех – это не трофей, который можно поставить на полку. Это огонь, требующий постоянной подпитки: новых идей, свежих решений, неустанного труда.

Ключевое решение, способное вырвать тебя из оков судьбы, по мнению Ривера, – правильно сформулировать цель.

Она не должна быть размытой или обобщённой. Лучший подход – сразу замахнуться на нечто грандиозное, превосходящее все твои текущие ожидания. Пожелай вдвое больше – и результат непременно тебя устроит.

Этот принцип стал основой его жизненной философии, превратившись в рабочую концепцию, которая раз за разом приносила плоды.

Путь его не был прямой линией: случались взлёты и падения, но взгляд неизменно устремлялся к далёкому горизонту, пытаясь прочесть в его очертаниях грядущее. Даже когда судьба погрузила его в безнадёжность, откуда, как казалось, уже нет выхода, Джордж попросту не согласился с таким положением вещей. Он поднялся, стряхнул пыль прошлого и сделал шаг вперёд, выбрав новый путь.

– Какого чёрта? – растерянно выдохнула Судьба, не веря своим глазам.

– А почему бы и нет?! – бросил он через плечо, не оборачиваясь.

Так Джордж Ривер, закрыв одну главу своей жизни, начал новую – ту, которую писал он сам от первой до последней строки. Он стал не просто участником событий, а их творцом, архитектором собственной судьбы.

Он рано осознал простую истину, что миром сначала правят деньги, а уже потом те, у кого они есть. Это понимание отразилось не только в его взглядах на жизнь, оно вошло в продуманную систему аргументов и принципов, которая

и сделала из ничем не примечательного обывателя перспективного лидера, нацеленного на результат и наделённого при этом не просто амбициями, а железной волей.

Джордж Ривер сосредоточился на создании продуманной стратегии развития банковского дела и её неуклонной реализации. Его подход выходил за рамки простой координации: он выстраивал чёткую связь между приоритетами и инструментами их воплощения, минимизируя риски ошибочных решений. Жизненным кредо Ривера стало убеждение: умелое управление денежными потоками служит катализатором экономического роста – как для отдельных людей, так и для целых государств. Осознав, что именно в этом заключается его главный талант, он направил все силы на достижение новой цели – приобретение успешного банка.

Благодаря продуманной стратегии и финансовой интуиции все вложения Джорджа демонстрировали впечатляющий рост, и однажды мечта Ривера сбылась – он стал преуспевающим банкиром, а его финансовая империя обрела долгожданную мощь и казалась незыблемой. Бывшие наставники Джорджа теперь консультировались с ним по ключевым сделкам. Ривер не был снобом и в свою очередь охотно делился мнением, тем самым умножая не только прибыль своих коллег, но и свой авторитет. Только за последний год его состояние выросло на треть, и дальнейшие перспективы выглядели более чем радужно. Казалось бы, чего ещё желать? Но Джордж и не думал останавливаться – впереди воз-

никла идея политической карьеры.

Он, оценивая свои силы, прекрасно понимал, что ставки в этой игре были слишком высоки, но это лишь подогревало его аппетит, и Ривер поставил на кон почти всё, что у него было. Ощущение было такое, словно он, застыв на краю пропасти, делал шаг вперёд, но вместо падения уверенно шёл дальше.

Все восхищались Джорджем Ривером, наблюдая за его восхождением, но при этом всегда видели лишь сверкающий фасад его триумфа, а не то, что скрыто под ним. Лишь искушённый человек понимал: в каждом успехе есть своя мрачная тайна, а за каждым взлётом следует падение...

Скандалы вокруг семьи Риверов разгорались с завидным постоянством – не успевал затихнуть один, как следовал другой. Словно кто-то намеренно подпитывал огонь сплетен, окружая их дом кольцом пылающих обвинений. Но они лишь вырабатывали у Джорджа стойкий иммунитет к подобного рода инсинуациям. Однако чем ближе он был к цели, тем изощёрнее становились попытки выбить почву у него из-под ног. В воздухе постоянно витало ощущение, что самое главное ещё впереди. Тщательно скрывааемые тайны, погребённые под слоем респектабельности, вот-вот были готовы вырваться на свободу. И теперь, когда небо над Ривером заволокло тучами, Норфолк замер в ожидании предстоящей бури, а Джордж больше напоминал акробата, идущего по канату над пропастью. Город, привыкший к спокойствию и раз-

меренности, жил в предвкушении грандиозного скандала. И только время покажет, сумеет ли семья Риверов пережить этот кризис, или же их империя рухнет под тяжестью собственных тайн.

Семь дней назад

Это раннее утро началось для Джорджа Ривера, как и все предыдущие, с чашки крепкого кофе.

Самообладание, с каким Джордж принимал удары судьбы, превращая их в лёгкие уколы, восхищало даже наиболее закалённых жизнью людей, коих в его кругу было немало.

– Джордж, – спрашивали они его, – почему это тебя не волнует?

На что Джордж, пожимая плечами, неизменно отвечал:

– А должно?

Единственное, что имело для него значение – это его выбор. Его он делал сам, без подсказок и советов, ревностно охраняя от любых посягательств, не позволяя даже тени чужого мнения коснуться этого решения.

В просторном кабинете, где каждая деталь интерьера ненавязчиво демонстрировала богатство и статус его владельца, царила особая деловая атмосфера, пропитанная запахом успеха и денег. Солнечные лучи, проникая сквозь высокие окна, прикрытые тяжёлыми шторами, играли на полированной поверхности стола, создавая причудливые блики на изысканном императорском фарфоре. Джордж, уют-

но устроившись в своём кожаном кресле, замер в трепетном предвкушении. Каждый раз этот незримый ритуал пробуждал в нём странное, почти забытое ощущение беспечного безумства – словно он снова становился юным, дерзким, полным неукротимой жажды жизни. Прикрыв глаза, он весь обратился в слух, растворяясь в тишине, которая вдруг ожила, наполнилась смыслом.

И вот он услышал – лёгкий, едва уловимый стук каблучков её туфель, ритмичный, завораживающий, будто отголосок далёкого вальса. Этот звук, такой знакомый и в то же время неизменно новый, пронзил его, пробудив в душе вихрь невысказанных чувств – трепетных, обжигающих, невыразимо прекрасных. Они вспыхнули внутри, как зарницы в ночном небе, озаряя всё вокруг призрачным, но таким живым светом. Звук приближался, обретая чёткость, пока не замер у самой двери кабинета. В тот же миг она медленно распахнулась – и Джордж открыл глаза.

Сандра Эванс – нимфа его грез, его личный секретарь, стала для него островком тепла в холодном океане одиночества. Несмотря на сопутствовавший ему успех, Джордж ничем не мог заполнить внутреннюю пустоту: семья оставалась формальностью, дружба – поверхностной. Но Сандра... Она проникала в самые сокровенные уголки его сознания, читая желания до того, как они успевали оформиться.

Её имя, означающее «защитница», было наиболее точным определением, как нельзя лучше соответствующим ее по-

ложению в банке Джорджа Ривера: она была надёжной стеной между ним и суетой, рукой, отстраняющей все тревоги и страхи. Она не обещала чудес – просто была. И этого ему хватало.

Плавная походка, кошачья грация, манящие движения – всё в ней дышало уверенностью женщины, знающей себе цену и своё место. Джордж ценил это – и оттого желал её ещё сильнее.

Дверь кабинета приоткрылась, и в проёме возникла она – само воплощение искушения. Аромат свежесваренного кофе наполнил кабинет.

Она опустилась к нему на колени, обняла – и привычный ритуал утра внезапно пробудил в нём давно забытое ощущение полноты жизни.

Он даже не подозревал, что именно этот день положит начало его концу – станет той самой чертой, за которой начнётся его падение.

Но сейчас, ощущая приятное тепло женского тела, Джордж был готов на всё. Его губы почти коснулись нежной кожи её шеи, когда его взгляд упал на заголовки газет, тех самых, что она вместе с кофе положила ему на стол. Глаза пробежались по строчкам, и этого вполне хватило, чтобы привести его в чувство. Он снова и снова вчитывался в знакомые имена, пытаясь понять их скрытый смысл, а когда понял, то обомлел.

Его пальцы рассеянно скользили по газетным страницам

– везде одно и то же. На первой полосе – фотография Кристины, его дочери, а над ней кричащие заголовки: «Наследница империи Риверов бесследно исчезла: полиция бессильна», «Тайна дома Риверов: что скрывает от всех Джордж Ривер?», «Кристина Ривер: побег или похищение? Версии следствия...».

Он сжал губы. Морщины на лбу – глубокие, резкие – говорили больше, чем слова. Он рано усвоил простое правило выживания: если надвигается шторм – лови попутный ветер, сдашься и он поглотит тебя. Глубокий вздох вырвался произвольно. Кивком указав Сандре на дверь, он взял со стола телефон и набрал номер своей жены – Виктории.

Обида скользнула по лицу Сандры – мимолётная, как тень от облака. Губы сжались в тонкую линию: не столько от гнева, сколько от уязвлённого самолюбия. Но тут же на щеках возникли ямочки, придав её лицу почти детское, беспомощное выражение. Она выпрямилась, бросила на Джорджа короткий, внимательный взгляд, пытаясь прочесть в его глазах то, что он не решился сказать вслух. Не говоря ни слова, Сандра направилась к двери с той особой грацией, которая всегда заставляла его оборачиваться. Джордж смотрел ей вслед, не скрывая разочарования.

Виктория ответила ему сразу, словно ждала этого звонка:

– Да, Джордж, я тебя слушаю...

– Дорогая, почему я из газет узнаю, что наша дочь похищена? – донёсся до неё возмущённый голос Ривера.

– Рада, что тебя это волнует. Удивляет, что ты вообще это заметил – тебе ведь никогда не было до неё дела – только деньги на уме...

– Вообще-то этими деньгами я оплачиваю ваши с ней счета.

И, заметь, немалые счета, Виктория.

– Это цена нашего союза, как ты помнишь!

Каждое её слово сочилось ядом сарказма и горечью обид на мужа. Казалось, она предъявляла ему счёт за все те годы, что вынуждена была прожить вместе с ним. Что ж, раз так, он готов оплатить и его, но вот только не здесь и не сейчас.

– Обсудим это дома... Так, где Кристина?

Виктория замерла, обдумывая, что ему ответить. Проглотив ком в горле, она произнесла:

– Пропала...

– Снова? – выдохнул Джордж, порядком уставший от выходов дочери.

– Джордж, – чуть громче произнесла она, – Кристина пропала! Не снова, не опять – она бесследно исчезла!

– Ты в этом уверена? Как это случилось? – голос его прозвучал растерянно и глухо, он на секунду задумался.

Для Кристины такие внезапные периоды отсутствия стали обыденностью – она иногда уезжала с друзьями в неизвестном направлении, тем самым демонстрируя всем самостоятельность. Отца в свои планы она не посвящала: их отношения оставались ровными, но при этом холодными и на-

тянутыми. Редкие встречи лишь обнажали ту пропасть, которая была между ними. Оставаясь каждый на своем берегу, он произносил монолог, утверждая свою правду, оставаясь в своём мире и следуя своим целям. Никто из них не хотел услышать другого и сделать первый шаг к сближению.

С матерью отношения складывались едва ли лучше: несмотря на постоянные разногласия, между ними сохранялась пусть поверхностная, но всё-таки связь. Они как-то находили общий язык, и общение проходило в форме диалога. Джордж же предпочитал не вмешиваться в вопросы воспитания дочери, полагая, что это исключительно забота жены, которая, судя по всему, с этой миссией не справлялась.

– Виктория, – в голосе Джорджа слышался лёгкий упрек, – мне казалось, стоило сперва обсудить это со мной, до того, как обращаться в полицию и давать комментарии прессе.

Право выбора было нарушено, Виктория перешла ту черту, за которой начиналась священная территория – царство воли Джорджа Ривера. Это был его выстроенный с почти маниакальной тщательностью микрокосмос: там не было места анархии, лишь строгий порядок, продиктованный исключительно его кодексом правил. Она совершила ошибку, и он должен ей это объяснить.

В этот момент дверь его кабинета распахнулась, на пороге появилась Сандра.

– Джордж, там внизу полиция, они хотят с тобой поговорить, – проворковала она мягким голосом, и легкая улыбка

тронула уголки её губ.

Воздух словно пропитался едва уловимым дыханием затаённой страсти. Не отрывая от неё многозначительного взгляда, Джордж приложил палец к губам, затем молча указал на телефонную трубку.

– Сандра, – он, как мог, придал голосу холодный официальный тон, – передай гостям, что я сейчас к ним подойду. Проводи их пока в конференц-зал и сделай всем кофе.

Голос Джорджа звучал сдержанно и спокойно, но в нём всё же проскальзывало плохо скрываемое напряжение.

– Хорошо, – произнесла Сандра и, одарив Джорджа взглядом, полным невысказанных обещаний, плавно удалилась.

– Виктория... я перезвоню тебе позже, ко мне пришли, – произнёс Джордж, стараясь сохранять хладнокровие.

– Можешь не беспокоиться! – голос Виктории хлестнул его подобно плети. – Ты такой же, как золото в твоём хранилище: блестящий и холодный. Можешь развесить его на свою Сандру и любоваться сколько влезет!

Джордж замер, он знал: сейчас нельзя ни вспылить, ни отступить – любое движение будет проигрышным.

– Виктория, – произнёс он тише, чем собирался, – ты ошибаешься, и при чем тут Сандра? Дело в том, что ты...

– Ошибаюсь? – она горько рассмеялась. – Знаешь, в чём твоя главная беда, Джордж? Ты привык всё взвешивать. Чувства, верность, даже любовь – для тебя это просто слитки, которые можно сложить в сейф. Ты превратил своё сердце

в этот долбанный сейф! Ты понятия не имеешь, что значит любить!

Она оборвала разговор прежде, чем он успел что-либо добавить, и в трубке раздались короткие гудки. Он представил, как она, в который раз, громко захлопнула за собой дверь – но при этом с тихим, почти вежливым щелчком, оставив Джорджа в немом одиночестве. Но он также знал, чем всё это завершится – едва закончатся деньги на её карте.

– Стерва... – процедил он сквозь зубы.

Слова жены ещё звенели в сознании, оставляя на душе горький осадок. Настроение окончательно испортилось. Виктория всегда умела найти уязвимое место – и этот разговор не стал исключением. Их брак трещал по швам, и каждая такая сцена лишь добавляла свежих ран.

«Обида – это рана, которую ты наносишь себе сам, продолжая помнить», – всплыли в памяти слова Марка Аврелия. Джордж усилием воли постарался вытеснить из сознания новую волну боли, причинённую женой.

Сандра тем временем открывала двери конференц-зала, пропуская комиссара полиции Рэя Стоуна и его заместителя Скотта Ричмонда. Краем глаза она уловила, как Скотт засмотрелся на её фигуру, и мысленно усмехнулась. Деловая этика требовала от неё полной самоотдачи – и она отвечала этим требованиям с хладнокровной грацией человека, привыкшего держать эмоции под контролем.

Джордж снова вздохнул, пытаясь собраться с мыслями.

Рабочие встречи не должны были пострадать из-за его семейных неурядиц, но тень раздражения лежала на его лице подобно свинцовой туче перед грозой. Он любил Викторрию и одновременно ненавидел. Эти чувства создавали в его душе нескончаемый водоворот, из которого невозможно было выбраться. Она жила словно бросая вызов обыденности, нарушая все мыслимые и немыслимые правила. Её взбалмошность и экстравагантность доводили до исступления и были сродни вихрю, который врывается в их дом, переворачивая привычный уклад с ног на голову. Их отношения скорее напоминали танец на краю пропасти – страстный, опасный, завораживающий и роковой. И каждый раз, когда его сердце истекало кровью от нанесённых ею ран, и Джордж решал, что больше не выдержит этой эмоциональной карусели, Викторрия мило улыбалась ему, и всё начиналось сначала. Она словно протягивала ему гремучий коктейль, замешенный на холодной страсти друг к другу и обжигающей ревности, заставляя испить до дна, и он не мог ей отказать в этом. Потому что в этом безумии была своя особенная, горькая сладость, а в их столь экстравагантной любви – своя неповторимая, болезненная красота...

Спустившись в просторный конференц-зал, расположенный в цокольном этаже здания, он сдержанно кивнул гостям. Оба мужчины, поставив принесённые ранее Сандрой чашки с кофе на стол, разом поднялись со своих мест и по очереди пожали Джорджу руку. В этом простом жесте читалось нечто

большее, чем обычная вежливость, скорее негласное обещание поддержки не только в текущих делах, но и в перспективе будущих начинаний. Оба осознавали масштаб грядущих перемен: предстоящие выборы на пост губернатора штата, где главным претендентом выступал Джордж Ривер.

– Итак, господа, чем обязан? – произнёс Джордж, присаживаясь в кресло напротив гостей и стараясь сохранять привычную невозмутимость. Лицо его изображало удивление, но внутри уже нарастало ледяное беспокойство. Он знал: любая паника – лишь повод для ненужных слухов, а имидж и репутация в финансовых кругах были для него фундаментом, к которому он никого и близко не подпускал.

– Я думал, ты знаешь, – в голосе Рэя прозвучало неподдельное изумление.

– О чём?

– Джордж... Твою дочь вчера похитили. Или, по крайней мере, так это выглядит, – Рэй пристально взгляделся в глаза друга, пытаясь прочесть за маской спокойствия истинные эмоции. – Вчера вечером твоя жена Виктория пришла ко мне в полицейский участок и написала заявление.

Не говоря больше ни слова, Рэй протянул ему заявление Виктории. Джордж принял его с едва уловимой задержкой – будто само прикосновение к этому листку уже накладывало на него незримую, но тягостную обязанность.

Взгляд Джорджа скользнул по строкам – сначала бегло, потом всё медленнее, внимательнее.

«Я, Виктория Ривер, заявляю о пропаже моей дочери, Кристины Ривер, и настоятельно прошу инициировать расследование...»

Далее шли сухие, выверенные факты: приметы его дочери, обстоятельства и время её исчезновения.

Он вернул документ Рэю, однако ощущение тяжести не исчезло – оно медленно оседало в груди, сдавливая дыхание. Глядя на Рэя, Джордж мысленно отметил: их связь слишком глубока, чтобы прятаться за недомолвками. Но сейчас комиссар был не один, и это вынуждало держать дистанцию – никакой фамильярности, только официальный тон.

– То, что сообщила моя жена, не совсем соответствует действительности. Кристина и раньше уходила, не ставя никого в известность. Что изменилось на этот раз?

– Виктория утверждает, что Кристина не отвечает на звонки – её телефон либо выключен, либо у похитителей.

– У кого? – Джордж рассмеялся – легко, непринуждённо. – Ты считаешь, что это похищение? Да брось, Рэй, кому понадобилось её похищать? Ты же лучше других знаешь: Кристина в обиду себя не даст. А телефон... Ну, села батарея. Может, потеряла его – с кем не бывает?

– Да, но...

Ривер поднял руку, обрывая возражения:

– Ты зачем пришёл, Рэй? Если ради чашки кофе – милости прошу, но не отнимай моё время по пустякам. Ты прекрасно знаешь: впереди выборы. Твоё расследование не до-

бавит мне голосов. Оно лишь запустит цепь событий, которые ударят по мне и моему рейтингу, а следовательно...

Он хотел добавить «...и по тебе», но, уловив пристальный, оценивающий взгляд Скотта Ричмонда, запнулся.

– Ладно, тогда у меня только один вопрос, Джордж, – отозвался Рэй, понимая, куда клонит Ривер.

– Валяй.

– Поступали тебе какие-нибудь сообщения с требованием выкупа? Может быть, звонки с угрозами?

– Нет!

– Ну, нет так нет. Что ж, рад был с тобой поболтать.

– Взаимно, старина.

Джордж встал и бросив взгляд на Рэя, словно вспомнил о чём-то более важном, добавил:

– Надо будет как-нибудь потом встретиться, – и, не прощаясь, покинул гостей.

Рэй озадаченно кивнул, провожая взглядом друга. Джордж умело дистанцировался от него, и с каждым разом всё дальше, пряча свои истинные чувства и мысли, словно между ними пробежала чёрная кошка, и это настораживало Рэя куда больше, чем если бы Ривер высказал ему всё в лицо. Они с Джорджем были старыми друзьями, их отношения были проверены годами, но в последнее время его друг стал для него загадкой. Доверие, что некогда согревало обоих, будто растворилось в воздухе. На его месте расцвёл холодный туман отчуждения – незаметный на первый взгляд,

но осязаемый в каждом жесте, в каждой паузе между словами. Рэй ловил себя на мысли, что перед ним всё тот же Джордж – но будто бы в чужой оболочке, за которой уже не разглядеть прежнего Ривера.

На пути в кабинет Джордж мрачной тенью прошёл мимо изумлённой Сандры, даже не взглянув в её сторону. Сев в кресло, он вывел на экран ноутбука финансовые показатели своего банка Trust Capital и с головой погрузился в анализ.

Обычный взгляд на Джорджа Ривера мог рассказать о нём то немногое, что он привычно демонстрировал на широкую публику – уверенность и амбициозность, но самое главное всегда лежало на поверхности: Джордж был республиканцем. Помимо этого, он ещё был к тому же влиятельным бизнесменом, а в Америке это означало быть богатым и успешным как в финансах, так и в политике, что, в свою очередь, повышало ставки и открывало безграничные перспективы. В венах Джорджа текла гремучая смесь: со стороны матери – горячая, необузданная кровь итальянцев, со стороны отца – голубая кровь аристократов Старого Юга Америки, и Ривер принимал своё высокое положение почти с вызовом, как неоспоримое право, дарованное ему судьбой ещё при рождении.

Пост губернатора Вирджинии постепенно превращался для Джорджа в навязчивую идею, заполняя всё его сознание. Это началось в тот миг, когда он вдруг с пронзительной ясностью осознал конечность своей некогда заветной финан-

совой мечты. Когда цель была достигнута, его охватило пугающее ощущение пустоты – словно после изнуряюще долгого восхождения на вершину не обнаружил там ни трофеев, ни смысла – только всё тот же холодный, пронизывающий до костей ветер одиночества... Именно тогда, отчаянно пытаясь заполнить эту зияющую брешь в душе, Джордж поставил перед собой новые, почти недостижимые цели, подняв их до заоблачных высот.

Что до его жены – Виктории, её можно было назвать современным воплощением мифа о царе Мидасе – только источником золота служил не волшебный дар, а острый ум. Она обладала редкой способностью оборачивать неудачи в выгоду, а в пустоте находить всё необходимое – и делала это с безупречным изяществом, подобающим её положению. Её дар перекликался с талантами мужа, в их союзе словно слились две грани одного искусства – искусство находить и искусство создавать. Вместе они напоминали алхимиков Нового времени, для которых окружающий мир был лабораторией, а любая ситуация – сырьём для достижения успеха.

Начавшийся день был тому подтверждением. Едва Виктория вышла из своего величественного особняка, как оказалась в окружении вездесущих репортёров, напоминавших стаю голодных хищных птиц, слетевшихся в надежде на сенсационный материал.

– Какого чёрта?! – вырвалось у неё, прежде чем она успела взять себя в руки.

Голос прозвучал резче, чем она хотела, и тут же повисла неловкая пауза – та самая секунда, когда десятки объектов показали Америке её удивленное лицо. Но многолетний опыт светских раутов и бесчисленных фотосессий сработал как швейцарские часы – точно и безотказно: лицо Виктории мгновенно расслабилось, губы изогнулись в тёплой, почти материнской улыбке, а взгляд стал мягким и приветливым. Она знала: в мире, где репутация – это капитал, нельзя позволить себе слабость быть собой. Она сделала глубокий вдох, ощущая, как в крови взлетел адреналин, и шагнула вперёд. Улыбка стала чуть шире, взгляд – чуть теплее.

– Доброе утро, – произнесла она с безупречной интонацией, в которой не осталось и тени недавнего возмущения. – Я рада, что вас волнует то, что происходит в нашей семье.

– Миссис Ривер, несколько слов для Fox News о похищении вашей дочери! У вас уже есть предположения о том, кто мог это сделать? – выкрикнул один из репортёров, проталкиваясь вперёд. Его лицо выражало надежду, и Виктория не разочаровала его.

– Мы полагаемся на профессионализм полиции, – сдержанно ответила она. – Надеюсь, они скоро выяснят все обстоятельства...

– У вашей дочери были враги? Это как-то связано с её друзьями? – не унимался репортёр, чувствуя, что новость пахнет скандалом.

Подобные вопросы о семье Ривер были подобны ходьбе

по тонкому льду. Виктория отчётливо сознавала: стоит лишь слегка оступиться – и хрупкая корка под ногами треснет, утянув в ледяную бездну не только их безупречную репутацию, но и тщательно выстроенную иллюзию благополучия.

Она буквально ощущала, как под ногами зарождаются первые зловещие трещины, предвещающие неминуемый провал.

– У моей дочери есть всё, кроме врагов, – улыбаясь на публику, заявила она. И снисходительно добавила: – На них она ещё не заработала...

В попытке уйти от болезненного для неё разговора о пропавшей дочери и избежать новых вопросов о семейных неурядицах Виктория решительно сменила тему. Теперь её голос зазвучал намного увереннее:

– Я хотела бы поделиться замечательной новостью: наш благотворительный фонд помощи бездомным животным возобновил свою работу! Мы снова можем дарить надежду тем, кто в этом так нуждается. Каждый из вас может внести свой вклад в спасение незащищенных созданий. Вместе мы не только обеспечим им необходимую заботу и лечение, но и поможем обрести любящих хозяев, которые подарят им дом и счастье!

В её глазах на секунду зажёгся тот особый свет, который придал её словам искренность и убедительность. Журналисты рассмеялись её шутке по поводу врагов, но сразу сникли, едва она заговорила о благотворительном фонде.

Виктории же было не до смеха, в её душе бушевала буря. Пока Кристина беззаботно порхала с одной вечеринки на другую, бездумно тратя деньги на мимолётные удовольствия, её мать терзалась от бессилия остановить её.

Жизнь Кристины была подобна волшебной сказке – каждый день новые друзья, дорогие рестораны, брендовые вещи. Но Виктория прекрасно знала: за напускным благополучием в душе дочери скрывается пустота, заполнить которую она так и не смогла... Все её разговоры с дочерью заканчивались одним – непониманием. Кристина напрочь отказывалась взрослеть, а мать, сама того не замечая, поощряла это ребячество.

Натянув улыбку, Виктория выслушивала бесконечные вопросы репортёров, механически кивая в ответ. Её терпение, словно нить, истончалось с каждой минутой. Наконец мучительные полчаса подошли к концу.

– Желаю всем удачного дня, – произнесла она и, с трудом протиснувшись сквозь толпу, устремилась к ожидавшему на парковке автомобилю. Скользя на заднее сиденье подаренного мужем «кадиллака», она подала знак водителю. Машина плавно тронулась с места, увозя её прочь от этой суеты. Стив, её личный водитель, знал дорогу не только к её сердцу и привычкам, но и к её единственной подруге, с которой Виктория могла поделиться своими тревогами, не боясь осуждения.

В салоне царил тишина, нарушаемая мягким шелестом

шин по асфальту. Свернув на главную дорогу, они влились в стремительно несущийся поток машин. Виктория смотрела в окно, а перед глазами стояла беззаботная улыбка дочери, за которой скрывалась душевная незрелость. Она злилась на дочь: где та сейчас, с кем, но самое главное – почему не отвечает на её звонки? Обида душила Викторию, и она посмотрела на Стива. Тот, уловив её взгляд, позволил себе вольность: сначала игриво подмигнул хозяйке в зеркало заднего вида, а затем послал ей воздушный поцелуй.

– Стив! – в её голосе прозвучали упрёк и смущение.

Водитель лишь иронически усмехнулся, будто ничего не произошло, и снова подмигнул ей. Не прошло и нескольких минут, как она, словно игривый котёнок, прильнула к его плечу. Он почувствовал на своей шее её горячее дыхание. Нежные губы едва коснулись мочки его уха, когда она прошептала с напускной строгостью:

– Жди своего часа, негодник...

В её голосе таилось обещание, от которого по телу Стива пробежала приятная лёгкая дрожь. Он уже догадывался, чем закончится для них этот вечер.

Дом Лизы Кроу, почитательницы семейного клана Риверов и самой близкой подруги Виктории, располагался в живописном пригороде, утопая в зелени цветущих фруктовых деревьев и благоухающих клумб. Это было двухэтажное строение с большими панорамными окнами, через которые в комнаты струился солнечный свет, наполняя внутреннее

пространство своим теплом. Фасад дома украшали вьющиеся растения, а на террасе находился небольшой сад с экзотическими цветами и пряными травами.

Лиза Кроу держала в своих изящных руках ключи от всех секретов Виктории. Их дружба представляла собой замысловатый коктейль, где каждый глоток – новая тайна, а каждая капля – гарантия молчания. В глазах Лизы неизменно светился дерзкий вызов, а её смех звучал как протест против условностей. Она не признавала границ там, где другие видели лишь стены.

В минуты душевной смуты Виктория неизменно устремлялась к подруге, не только находя в её объятиях понимание и утешение, но и обретая цель. С Лизой Кроу она могла себе позволить всё – от безумных вечеринок до тихих домашних вечеров с бокалом вина. Она, словно зеркало, отражала все мечты и желания Виктории.

Переступив порог гостиной, Виктория вновь ощутила привычную атмосферу доверительности – ту самую, которую неизменно создавала Лиза Кроу, ожидавшая её сейчас в центре комнаты.

Её изящная фигура с гордой осанкой выдавала в ней человека с врождённым чувством собственного достоинства, невольно притягивая взгляды окружающих. Белокурые волосы, отливающие платиной, обрамляли миловидное лицо с греческими чертами, а ухоженные руки с длинными пальцами и безупречным маникюром говорили о пристальном вни-

мании к деталям и были визитной карточкой её облика, придавая тому особую утончённость. Лёгкий шлейф изысканного парфюма, витавший вокруг, добавлял ей загадочности и шарма. Она держалась с достоинством, но без чопорности и надменности, что делало её ещё более привлекательной и желанной. Её внешность была той редкой комбинацией природной красоты и ухоженности, которая заставляет восхищаться и запоминаться надолго.

Объятия Лизы тут же окутали Викторию привычным, почти родным теплом. Мягкий солнечный свет создавал причудливые тени на стенах, а приглушённые голоса женщин словно парили в воздухе, не нарушая хрупкого равновесия разговора. Лиза Кроу, расположившись в кресле напротив Виктории, внимательно следила за выражением её лица и, наклоняясь чуть вперёд, будто боясь упустить малейшую деталь, ловила каждое её слово.

– И что ты думаешь теперь делать? – спросила Лиза у подруги, едва та закончила свой рассказ.

Виктория тяжело вздохнула, сцепив пальцы в замок:

– Надежды на полицию у меня нет. Обычно дальше собственного носа они не видят.

Лиза усмехнулась, но в усмешке проскользнула горечь.

– Они порой и носа не видят, – согласилась она. – Это точно.

Внезапно её лицо озарилось лукавой улыбкой.

– Думаю, я могу тебе помочь, – медленно произнесла Ли-

за, словно наслаждаясь моментом.

В её глазах плясали озорные искорки, и Виктория сразу поняла: подруга что-то задумала.

– Есть у меня один знакомый, – начала Лиза, невольно понижая голос. – Работал в ФБР, пока не разразился скандал. Это давняя история, потом как-нибудь расскажу. Теперь он работает частным детективом. Мужчина интересный, но с прошлым...

Виктория замерла, затаив дыхание. Возможно, это именно тот шанс, которого она ждала.

– Звучит как сказка, – тихо произнесла она. – Думаешь, стоит обратиться к нему?

– Ещё как стоит! – оживилась Лиза. – С твоими деньгами ты можешь нанять этого сыщика хоть на год!

– Так долго я не смогу – думаю, он мне быстро наскучит, – улыбнулась Виктория.

Обе расхохотались, и атмосфера стала заметно легче.

– Ладно, – сказала Лиза, поднимаясь. – Дам тебе его номер. Звони, когда будешь готова.

Она наполнила бокал подруги шампанским и быстрым уверенным движением записала номер детектива на салфетке.

В моменты тяжёлой депрессии иногда случаются приятные исключения, когда кто-то незримый неожиданно протягивает тебе руку. Вопрос лишь в том, чья это будет рука... У Итана Брауна, уныло сидящего в полупустом кафе

и механически откусывающего от сэндвича с ветчиной, был именно такой случай. Перед ним лежала раскрытая папка с делом о пропавшем велосипеде почтальона – очередное заурядное происшествие, которое никак не соответствовало его профессиональному опыту детектива ФБР и не могло утолить жажду расследовать настоящие, запутанные преступления. Полуденное солнце, пробивающееся сквозь жалюзи окна, освещало игривыми лучами его хмурое лицо.

Каждый раз, когда его взгляд падал на скудные улики – несколько отпечатков пальцев и размытые следы шин, он чувствовал, как внутри закипает раздражение. Его воображение рисовало совсем другие картины: ночные погони по тёмным улицам, где каждая тень может скрывать преступника; тихие комнаты, где каждая пылинка может стать ключом к разгадке; лица подозреваемых, в которых опытный взгляд детектива пытается прочесть их тёмные тайны. В его памяти всплывали образы великих сыщиков прошлого, чьи имена вошли в историю криминалистики. Он представлял себя в эпицентре событий, где опасность дышит в спину, а победа над преступностью дарит не просто удовлетворение, но и глубокое чувство выполненного долга. Итан тосковал по той работе, когда расследовал дела особой важности в ФБР. Его мысли прервал звук телефона в кармане пиджака.

– Мистер Браун? – раздался в трубке напряжённый женский голос, в котором чувствовалось заметное волнение. – Меня зовут Виктория Ривер, и у меня пропала дочь... Я слы-

шала о вас, и только хорошее: говорят, вы умеете находить людей. Поэтому мне очень нужна ваша помощь. Вы возьмётесь мне помочь?

В ответ прозвучало привычное:

– Да.

Вечер окутал город мягким бархатом сумерек, когда Виктория встретилась с загадочным детективом Итаном Брауном. Они сидели в уютном ресторане, где свечи, создавая доверительную обстановку, отбрасывали на их лица причудливые тени. Виктория, не в силах скрыть восхищение, призналась:

– А вы оказались совсем не таким, каким я вас представляла.

– Этаким занудой в очках, погружённого с головой в криминальные сводки? – уточнил Итан, и едва заметная улыбка тронула уголки его губ.

Виктория игриво кивнула.

– Вы умеете удивлять, – рассмеялась она, чувствуя, как после глотка шампанского тепло разливается по телу. – Но мы ещё незнакомы. Я – Виктория Ривер.

Её улыбка обнажила белоснежные зубы, и Итан галантно склонился к её руке. Она почувствовала его губы на своей коже, и мурашки пробежали по её телу. Этот жест окончательно покорило сердце Виктории.

– А я Итан. Итан Браун – к вашим услугам, – его голос был глубоким и бархатистым. – Раньше работал детективом

в ФБР, а сейчас просто детектив.

– Что ж, раз теперь мы знакомы, перейдём на «ты»? – предложила Виктория.

Итан без промедления кивнул.

– Лиза рассказывала мне о тебе, – продолжила она.

– Надеюсь, только хорошее?

– Хорошее не так интересно, оно есть в каждом. Плохое – вот суть человека, его истинное лицо, – заметила Виктория.

Прежде чем встретиться с Итаном, она решила как можно подробнее разузнать о нём всё, и не только из рассказов подруги Лизы. Её выбор пал на Рэя Стоуна – человека, которому она безоговорочно доверяла. Достаточно было одного звонка: Рэй поведал ей немало любопытных подробностей о судьбе загадочного сыщика, попутно отметив его непростой, вспыльчивый характер.

Двадцать лет безупречной службы в ФБР – и всё рухнуло в одночасье. Всего один день перевернул его жизнь с ног на голову. Роман жены с его ближайшим другом стоил Итану карьеры, а любовнику – сломанной челюсти. Но детектива, казалось, ничто из этого уже не волновало. Без колебаний он закрыл за собой прежнюю жизнь и, распахнув дверь в новую, смело шагнул навстречу неизвестности.

Виктория слушала эту историю страсти с особым вниманием. Она всегда ценила решительных мужчин, особенно в отношениях. Правда, эти отношения длились недолго – во круг неё всегда крутилось достаточно ярких, амбициозных

претендентов, готовых бороться за её внимание. Однако эта история лишь укрепила её интерес к Итану.

– Тогда я плохой, очень плохой... – отозвался сыщик в ответ на её замечание.

Он, прищурился, улыбнулся ей, и в этой улыбке было что-то такое, от чего у Виктории перехватило дыхание. Он словно знал какой-то секрет, доступный только им двоим, и это усиливало её интерес к загадочному детективу. Безмятный палец его левой руки всё ещё хранил едва уловимый отпечаток бывшего союза – след от кольца, которого уже не было. Однако Итан сам не замечал, что его пальцы механически снова и снова находили эту небольшую выемку, будто пытались вернуть то, чего уже не существовало...

– Итан, ты ведь был женат? – слегка наигранно поинтересовалась она.

– Признаться, я думал, Лиза обо мне всё уже рассказала, – удивился он.

– То, из-за чего тебя уволили из ФБР?

– Не совсем... то, что я не горю желанием повторить этот опыт.

Она сразу поняла о чём идёт речь – разрыв с женой всё ещё оставался кровоточащей раной на его сердце.

– Ты не должен ставить на себе крест. Мы, женщины, тебе этого не простим.

Она одарила его очаровательной улыбкой ангела, слетевшей с её губ, и в её глазах Итан невольно уловил первые от-

блески желания.

– Всё не просто, – выдохнул он, ставя наполовину пустой бокал на стол. – Я всё ещё в темноте и не вижу выхода, но... ты ведь пришла ко мне не за этим.

Каждое его слово, казалось, провоцировало её. Она почти забыла, зачем пришла, и еле сдерживалась, чтобы не впиться в него губами. Хотя, возможно, всему виной было вино.

– Понимаю... И да, ты прав: я здесь из-за дочери. Её зовут Кристина, впрочем, это ты и так уже знаешь из газет. Но должна предупредить: к теме одиночества мы ещё обязательно вернёмся.

– Ладно, но не стану ничего обещать, – ответил Итан, принимая серьёзный, деловой вид.

Выйдя из ресторана, Виктория взяла Итана под руку. Они двинулись вдоль набережной, где в сумеречной тишине застыли фигуры русалок – немые свидетельницы легенд и историй, каждой из которых коснулась кисть здешних мастеров.

Виктория почувствовала, как внутри неё проснулось почти забытое чувство – счастье. Оно окутало её, отгоняя прочь все мысли и тревоги. Итан что-то ей рассказывал, но она не слушала. Прижавшись к его плечу, Виктория прислушивалась к своим ощущениям, как внутри рождается долгожданная целостность, завершённость, словно две половинки наконец нашли друг друга.

– Как думаешь, она могла с кем-то поссориться? Возмож-

но, вы с мужем её чем-то обидели, – донёсся до неё голос Итана, будто из другого мира.

Виктория вздрогнула – и хрупкая мечта, едва успев зародиться, отступила на второй план. Она снова вернулась в реальность, где были Джордж, его деньги, и взбалмошная дочь, напоминая себе, что сказка не может длиться вечно.

– Кристина пропадает не в первый раз, – ответила она, – но сейчас всё по-другому.

– Что именно? – попросил уточнить сыщик.

– У нас с ней была особая договорённость: каждый её шаг становился мне известен. В этот раз она не позвонила, на мои звонки не отвечает. Никто из её друзей не знает, где она.

Итан остановился и, развернувшись к Виктории, внимательно посмотрел ей в глаза:

– Прости, но я должен тебя об этом спросить. С тобой никто не связывался по поводу выкупа?

– Рэй спрашивал меня о том же, но нет... Я готова объявить вознаграждение тому, кто предоставит любую информацию по этому делу.

– Думаю, это будет правильно. Вот только желающих будет много, и мы можем потерять драгоценное время, проверяя правдивость их слов.

– Поэтому я и наняла тебя, – пояснила Виктория, снова прижимаясь к Итану. Она чувствовала исходящее от него тепло, и оно успокаивало её. Она представила себя маленьким котёнком, свернувшимся на его руках.

– Вполне разумный шаг, – согласился он. – Надеюсь, я смогу тебе помочь. Но ты должна рассказать мне о дочери всё: привычки, интересы, кто её друзья, какой у неё характер, всё, что может иметь отношение к этому делу.

Виктория замерла на мгновение, обдумывая и взвешивая каждое слово, прежде чем продолжить. Её взгляд стал более сосредоточенным, словно в этот миг она решала сразу две сложные математические задачи: свою и дочери. Но в итоге обе сводились к одному – насколько глубоко можно позволить этому человеку проникнуть в её внутренний мир. До спальни – возможно, но вот дальше... Дальше был Джордж, впрочем, когда это её смущало.

– Знаешь, – наконец произнесла она, и в её голосе проскользнула тень горечи, – Кристина – всего лишь ребёнок. Ей девятнадцать, и она делает только то, что взбредёт в её голову, не задумываясь о последствиях. Мы все, включая её друзей, ей невольно потакаем. Она обладает неким даром убеждения: если попросит тебя спрыгнуть с крыши небоскрёба – ты это сделаешь...

Глядя ей в глаза, Итан был готов поклясться: она говорит не о дочери, а о себе. Именно это он и собирался сделать – прыгнуть откуда угодно, ей стоило лишь попросить.

– Что до друзей, – Виктория поморщилась, словно от боли. – У неё есть деньги, много денег, следовательно, и друзей тоже слишком много. Кто они? Такие же безумцы, как и она. Разница лишь в том, что у Кристины денег больше...

Глава 2

ТАЙНА ПУСТОГО СЕЙФА

Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его.

Притч. 16:9

Дело Виктории пробудило в Итане живой интерес, но сама она – словно далёкая, таинственная планета, полная загадок, едва уловимая в полумраке сознания – притягивала его неизмеримо сильнее. И дело было отнюдь не только в природном женском обаянии. Он чувствовал исходящую от нее ауру преступления, нити которого тянулись в разные стороны. Годы службы в ФБР научили его простой истине: деньги – это всегда мотив, а их у Виктории было действительно много. И тем глубже была пропасть, разделяющая их, заполнить которую он вряд ли когда-нибудь сможет. Он на мгновение попытался представить своё будущее с этой женщиной, недостижимой, как далёкие звёзды в ночном небе. Он ощутил себя в лабиринте иллюзий, где каждый шаг вёл в тупик, а мечты выбраться были несбыточными. Он тут же отогнал эту мысль, сосредоточив всё внимание на исчезновении её дочери. Случай с Кристиной не выглядел исключительным, и сыщик чётко представлял свои действия, но он даже не догадывался, какие повороты принесёт это расследование.

Когда часы давно перевалили за полночь, Джордж Ривер

наконец переступил порог своего дома. Внешне – привычное движение, внутренне – изнеможение от нескончаемых дел и тревог о предстоящих выборах. В холле его встретил умиротворяющий свет бра, который мягко озарял помещение. Первым делом он направился к своему кабинету, поправляя галстук – жест, ставший за годы работы почти бессознательным. В руках он сжимал кейс, внутри которого в безупречном порядке лежали финансовые отчёты и документы.

Привычным, доведённым до автоматизма движением он уже собирался поместить их в сейф, угрюмо притаившийся в углу кабинета. Но судьба, словно только и поджидавшая этого момента, решила преподнести Джорджу очередной сюрприз. В тот самый миг, когда его пальцы коснулись холодной металлической поверхности, всё вдруг пошло не так – как в остросюжетных фильмах, где спокойная рутина внезапно взрывается вихрем непредсказуемых событий...

Джордж замер. Сначала он просто не поверил своим глазам – уставший мозг отказывался обрабатывать увиденное: дверца чуть сдвинута, между ней и сейфом – зазор... Едва заметный, но ему он показался огромной зияющей раной.

Он медленно потянул дверцу на себя. Внутри – чернеющая пустота... Нутро его сейфа, подобно «черной дыре», поглотило всё, что в нём было! Обнажённая, пугающая пустота, от которой внутри у него всё сжалось. Его сейф, его крепость, был пуст...

Но не деньги волновали его сейчас, они давно перестали

иметь для него то привычное значение, которое он придавал им лет двадцать назад.

Джорджа терзала иная, куда более весомая тревога – судьба драгоценностей. Тех самых, что он отбирал с особой тщательностью для супруги, готовя их в качестве подарка ко дню её рождения: бриллиантовое кольцо и серьги, чьи грани вспыхивали, словно звёздная пыль на чёрном бархате ночи.

«Кража? Невозможно...» – губы Джорджа сжались в тонкую линию. Код знал лишь один человек. Ривер провёл ладонью по лицу, пытаясь стереть назойливую мысль, но она уже впиалась в сознание, как заноза. Виктория? Нет, это исключено. Или... не исключено? В памяти всплыли её невзначай брошенные фразы о системе безопасности. Совпадение?

Тишина дома вдруг стала ощутимой, давящей. Джордж машинально взглянул на часы, потом направился в спальню. Включил свет – кровать заправлена. Где же Виктория?

Внутри нарастало странное ощущение – не гнев, не страх, а растерянность. Он стоял посреди комнаты, сжимая и разжимая пальцы, будто пытался ухватить то, что уже ушло. Первой, вполне логичной мыслью было, что Виктория могла бросить его, прихватив с собой содержимое сейфа. Он не успел развить её до тех границ, за которыми начинается паника, как раздался знакомый стук каблуков. Виктория шла по коридору в спальню, а впереди её разливался изысканный коктейль аромата Clive Christian Imperial Majesty с тонким

букетом шампанского Dom Pérignon.

Заметив свет в кабинете мужа, она удивлённо замерла на пороге. Встретившись с Джорджем взглядом, медленно перевела глаза на открытый пустой сейф. Если бы Виктория и была причастна к этой краже, Джордж, без сомнения, воздал бы ей должное – её лицо хранило безупречное хладнокровное спокойствие, достойное оваций.

Полиция прибыла незамедлительно. Рэй Стоун провёл в их доме почти три часа, лично опрашивая обоих супругов и их горничную Хуаниту Гонзалес. Его взгляд подмечал каждую деталь, каждый жест, каждое изменение в выражении лиц. Вызванные им криминалисты, словно гончие на охоте, тщательно обследовали каждый сантиметр кабинета Джорджа Ривера, но всё было тщетно – часы кропотливого поиска не принесли ни одной улики, способной хоть как-то продвинуть расследование. Рэй ощутил тяжёлое предчувствие. Семья Риверов словно находилась под проклятием – череда преступлений следовала одно за другим, и он понимал: это ещё не конец...

В атмосфере дома застыло тягостное ощущение незавершённости. Казалось, некий виртуоз криминального мира ведёт с ними изощрённую игру, методично оставляя после себя вместо очевидных следов лишь лабиринты туманных умозаключений из загадок и вопросов, на которые не было ответов.

Рэй, осознав, что задерживаться больше нет смысла, про-

изнёс:

– Как я понял, Виктория – единственный человек, помимо тебя, разумеется, кто знал код от сейфа и мог его открыть.

Но её не было дома... Мы проверим её алиби, если ты не возражаешь.

– Не стоит, Рэй, это лишнее. Пойдут слухи, сам понимаешь, к чему это приведёт. Это всего лишь деньги. Сменю код, поставлю новую сигнализацию, найму охрану, в конце концов.

Рэй лишь пожал плечами:

– Как скажешь. И всё же других способов открыть сейф я не вижу. Камеры не зафиксировали никого постороннего снаружи. Что, если это сделала она?

– С ней я сам разберусь.

– Ладно. Если появятся мысли – звони.

Когда Рэй ушёл, Джордж обратился к жене:

– Ты была у Лизы весь вечер?

– Не совсем... – она прекрасно знала мужа – он простит ей всё. – Лиза посоветовала мне нанять частного детектива. Ты же знаешь Рэя – они год будут делать вид, что работают, и ничего не найдут. Мы должны найти Кристину.

– И кто он на этот раз? – спросил Джордж ровным тоном, словно вопрос его вовсе не волновал.

– Обычный детектив...

– С «обычными» ты не общаешься, – заметил Джордж и, выдержав паузу, добавил: – Думаешь, он нам поможет?

Виктория проигнорировала намёк мужа на её личную жизнь, но не могла простить скептическую оценку своей способности разбираться в людях.

– Думаю, да, – уверенно ответила она. – Итан работал в ФБР, у него есть опыт в подобных делах.

– Что ж, тогда его помощь нам действительно пригодится. Пусть завтра найдёт время и заглянет к нам.

Виктория удивлённо взглянула на мужа, пытаясь прочесть его мысли. Что случилось с человеком, который прежде никогда не интересовался её тайными встречами и новыми знакомыми, и уж тем более не проявлял желания познакомиться с ними поближе?

Джордж, почувствовав пристальный взгляд жены, едва заметно кивнул на дверь. Как только она вышла, он последовал за ней и неторопливо повернул ключ в замке кабинета. Эхо шагов отражалось от стен коридора, пока они направлялись в спальню. Супружеское ложе, обещание страсти и любви, встретило их лишь прохладой шёлкового белья, напоминая о том холоде и одиночестве, которое окружало их все эти годы... Не проронив ни слова, каждый лёг на свою половину, утонув в мягком объятии водяного матраца. Несмотря на все достоинства последнего, Джордж ненавидел его, зато Виктория была от него без ума. Мерное покачивание вместо сна вызывало у него очередной приступ морской болезни. Он закрыл глаза, убеждая себя, что утром всё изменится, проблемы сами собой исчезнут и всё будет хорошо. Но

наступившее утро вместо желанного облегчения принесло с собой лишь новые тревоги.

Пальцы Виктории подрагивали, когда она набирала номер Итана. Просьба мужа о встрече втроем показалась ей более чем странной, и ей было интересно, чем же всё закончится. В назначенное время все трое собрались в кабинете Джорджа Ривера. Он сухо пожал протянутую ему Итаном руку. Обменявшись положенными любезностями, они перешли к делу.

Джордж раскрыл тяжёлые шторы, впуская в кабинет дневной свет, чтобы дать сыщику возможность тщательно изучить сейф, который теперь казался не просто предметом мебели, а символом всех их проблем и тревог.

– Итан, вы готовы взять на себя кражу из сейфа, ведь у вас ещё дело о пропаже нашей дочери? Мой друг, Рэй, считает – её похитили, а что считаете вы? – спросил его Джордж, пытаясь оценить профессиональную подготовку детектива.

Итан, казалось, понял это и, улыбнувшись, произнёс:

– Во-первых, взять на себя – значит признаться в том, что я не совершал, но я вас понял, Джордж. Я возьмусь за это дело. Во-вторых, похищение и пропажа человека – это разные понятия, каждое из которых имеет свои юридические и фактические особенности. Похищение человека в американском праве – тяжкое преступление, заключающееся в незаконном захвате, перемещении и удержании лица против его воли. Что до пропажи человека – это более общее понятие, которое может включать добровольный уход из дома.

– Что ж, вы меня поймали, – признался Ривер, рассмеявшись.

Виктория, пристально наблюдавшая за их разговором, расслабилась.

– То, что вор не оставил на месте преступления своих отпечатков, это мне понятно – перчатки в наше время не редкость, – спокойным голосом продолжил Джордж. – Но я не могу понять другого: как он смог проникнуть в дом, пройти мимо прислуги и, не взломав замка, открыть дверь кабинета, а затем и этот сейф?

Итан кивнул. Загадки одна за другой сыпались на сыщика, словно капли дождя на землю. Он слушал, время от времени делая пометки в своём блокноте. Затем подошёл к сейфу и осмотрел его, стараясь не пропускать даже незначительных деталей. Закончив, Итан повернулся к супругам. Теперь настала его очередь задавать вопросы и по большей части – те же самые. Разница была лишь в том, что ему за это платили.

– Кто, кроме вас двоих, знал комбинацию цифр кода на замке? – голос Итана звучал спокойно, но при этом настойчиво.

– Только мы с мужем, – ответила Виктория, нервно сжимая пальцы.

– Кто ещё, помимо вас с супругом, имел доступ в кабинет? Джордж хотел ответить, но Виктория опередила его:

– Только мы...

– А как насчёт уборки? Она проводится в вашем присут-

ствии?

– В кабинете, как и во всём доме, установлена «умная» система клининга. Уборка осуществляется автоматически каждое утро в восемь часов.

– Иными словами, доступ прислуги в кабинет полностью исключён? Но ведь пыль со стола кто-то вытирает? Или это тоже входит в функционал «умной» системы?

Виктория замялась, её лицо слегка покраснело.

– Горничная Хуанита, – выдохнула она.

– Вот оно что... Значит, раз она имеет доступ, у неё должен быть ключ от кабинета? – сделал вывод Итан, внимательно наблюдая за реакцией собеседницы.

– Получается, что так, – нехотя согласилась Виктория, опустив глаза.

– И, конечно, вы оба безоговорочно ей доверяете? – уточнил сыщик, внимательно глядя на супругов.

– Ну разумеется, иначе и быть не может, – твёрдо ответила Виктория, вставая на защиту горничной. – Хуанита дорожит своим местом в этом доме и не сделает и шага без нашего ведома.

– Кроме горничной, в доме есть ещё прислуга?

– Разумеется. У нас работают повар Диего Санчес, садовник Мигель Кавана и водитель Стив Бертон.

Итан невольно присвистнул: круг подозреваемых оказался куда шире, чем он предполагал.

– Все трое... – начал он, но Виктория резко перебила:

– Все трое ни при чём! Повар никогда не покидает кухню – за этим строго следит Хуанита. Садовник и водитель вообще не заходят в дом: их рабочее место снаружи. К тому же, как сказал Рэй, на камерах их нет.

– На камерах, которые установлены снаружи дома или внутри? – уточнил Итан.

– Снаружи. Внутри камер нет, – пояснила она.

Джордж, удобно расположившийся в кресле, молча наблюдал за диалогом жены и сыщика. В его голове крутился один и тот же вопрос: что она в нём нашла, в этом невзрачном человеке, лишённом каких-либо заметных достоинств и жизненных перспектив?

Итан, поймав на себе пристальный, изучающий взгляд Джорджа, адресовал следующий вопрос лично ему:

– Джордж, что ещё пропало, помимо содержимого сейфа?

– Понятия не имею, – насторожился Джордж. Мысль о том, что помимо ценностей из сейфа могло исчезнуть что-то ещё, прежде не приходила ему в голову.

Итан огляделся, его взгляд красноречиво остановился на столе Джорджа и ящиках, которые запирались на ключ.

– Надеюсь, криминалисты тут уже были? – спросил он, обращаясь к обоим супругам.

– Да, вчера, – ответила Виктория.

Итан понимающе кивнул.

– Джордж, раз уж я здесь, позвольте мне детально осмотреть ваш кабинет, – вежливо, но настойчиво попросил Итан.

– Разумеется, – с напускным великодушием ответил Джордж, хотя мысленно невольно поморщился. Сама идея, что кто-то будет копаться в его личных вещах, была ему неприятна. Признаться, он хотел лишь взглянуть на детектива – не более. Но, напомнив себе, что именно он пригласил Итана, Джордж смирился с неизбежным.

Надев перчатки, сыщик с деловитой сосредоточенностью приступил к осмотру. Виктория затаив дыхание следила за тем, как Итан тщательно исследует каждый укромный уголок кабинета её мужа. Однако взгляд её был рассеян: вместо скрупулёзного поиска улики она живо представляла иные сцены – искусные руки Итана на её теле...

Итан осторожно потянул на себя ручку очередного ящика. Тот, подобно предыдущим, с лёгкостью открылся.

– Ящики всегда открыты? – поинтересовался сыщик, бросив короткий взгляд на Джорджа.

– Обычно нет, – ответил тот, пожав плечами. – Вероятно, вчера я их открыл и забыл закрыть.

– Позвольте? – Итан изящным движением указал на бумаги, теснившиеся в ящике стола. Среди них выделялся загадочный конверт небесно-голубого цвета.

– Извольте, – Джордж кивнул, не усматривая в просьбе детектива ничего предосудительного. – Обычные бумаги, не более того.

Он заблаговременно устранил всё, что могло бы его скомпрометировать. В памяти невольно всплыл соблазнительный

образ Сандры в кружевном белье – часть которого теперь лежала в кармане его брюк.

Итан бережно взял конверт за уголки, вскрыл его и извлёк сложенный вдвое листок бумаги. Супруги замерли, с изумлением следя за его действиями, словно ожидая неминуемой сенсации. И она не заставила себя ждать.

Обычный белый лист нёс на себе единственную надпись, исполненную печатными буквами: «Рома 1.28».

Итан молча протянул записку Виктории – она сидела ближе.

– Вам знакомо это? – спросил он, внимательно наблюдая за её реакцией.

Виктория пробежала глазами по бумаге, затем подняла взгляд.

– Нет, – ответила она, пожимая плечами. – И таких конвертов у нас никогда не было.

Её взгляд метнулся к мужу – в поисках поддержки или хотя бы намёка на понимание. Джордж с равнодушным видом взял из её рук лист и вслух прочёл:

– «Рома 1.28»...

– Вам это о чём-то говорит? – Итан не сводил внимательного взгляда с Джорджа, пытаясь уловить малейшую тень сомнения на его лице.

– Могу предположить, что это Послание к римлянам из Нового Завета, но лично мне оно ни о чём не говорит, – произнёс Ривер, возвращая лист.

– При осмотре криминалистами конверт был? – уточнил Итан.

Супруги обменялись быстрыми взглядами.

– Не припомню, – ответила Виктория, слегка нахмурившись.

– Возможно, был. Точно сказать не могу, – сдержанно добавил Джордж, бросив на детектива высокомерный взгляд. Едва заметное движение брови подчёркивало его пренебрежение – он привык чувствовать себя лидером, а не подозреваемым.

Итан выдержал и этот взгляд. Достав телефон, он сделал пару снимков содержимого конверта.

– Джордж, сколько денег хранилось в сейфе?

– Около пятисот тысяч, может, чуть меньше. По сути, это были деньги для Виктории – она всегда могла ими воспользоваться.

– Помимо денег там находилось что-то ещё?

Он взглянул на жену – та не должна была узнать о его маленькой тайне.

– Там были драгоценности – мой подарок Виктории на день её рождения, – вырвалось у Джорджа.

– На какую сумму?

– Полтора миллиона.

Он виновато посмотрел на жену, и та, не в силах сдержать эмоции, бросилась в его объятия.

– О Джордж, милый, не переживай! Мы обязательно их

найдем! – воскликнула она с уверенностью.

Её слова насторожили Итана. Он знал этот запах недосказанности, создававший особую, загадочную, туманную атмосферу, которая будоражила воображение и оставляла пространство для размышлений, которые вели куда угодно, кроме объективной реальности происходящего. Он внимательно взгляделся в глаза каждого из супругов, пытаясь проникнуть сквозь внешнюю оболочку ответов, уловить малейшее колебание правды. Но наткнулся на невидимую преграду – глаза собеседников отражали лишь то, что они хотели показать, скрывая истинную суть происходящего за непроницаемой завесой лжи и обмана.

– Она права, но лишь отчасти, – медленно проговорил Итан. – Украсть драгоценности – это только половина дела. Продать их – задача куда более сложная. Однако меня беспокоит нечто иное.

Виктория удивлённо подняла брови:

– Что вы имеете в виду?

– Джордж, содержимое сейфа застраховано?

– Разумеется. А в чём дело?

– Я пытаюсь найти связь между исчезновением вашей дочери и пропажей содержимого сейфа, – задумчиво произнёс Итан. – Допустим на мгновение, что Кристину действительно похитили. В таких случаях основной мотив – деньги. Человека похищают, чтобы затем потребовать за него выкуп. Всё становится очевидным: кто-то из вас мог взять эти день-

ги, чтобы выполнить требование похитителя. Риск минимален: полиция ничего не знает, похититель спокоен, деньги так или иначе к вам вернутся, поскольку страховка покрывает всё.

Супруги недоумённо переглянулись, эта мысль им явно не понравилась. Заметив их взгляды, Итан поспешил исправиться:

– Но поскольку никто из вас этого не делал, связь между этими событиями отсутствует.

Его голос затих, оставляя собеседников в тягостном молчании. Первым не выдержал Джордж.

– Это очевидно, мистер «Всё знаю, но ничего не понимаю», – констатировал он. Ему порядком надоела вся эта комедия, он хотел поскорее избавиться от детектива и заняться делами в офисе, где его ждала Сандра.

– Что ж, – согласился с ним Итан, – тогда не смею вас задерживать.

Джордж выдохнул и, кивнув сыщику, вышел из кабинета, предоставив жене наслаждаться этой игрой.

Его уход Итан расценил как нежелание участвовать в том, что они пытались от него скрыть. Природная интуиция безошибочно подсказывала: и Джордж, и Виктория таят в себе множество загадок. Впрочем, обладая таким состоянием, они имели на это полное право. Однако в одном Итан был абсолютно уверен: хозяин сейфа к краже не причастен. Имея деньги, он мог заплатить похитителю как угодно и когда

угодно. Красть из собственного сейфа – последняя мысль, которая бы пришла ему в голову.

В беседе с Викторией Итан узнал, что у её мужа имелись политические конкуренты, которые мечтали подставить Джорджа, навредить его репутации, и начавшаяся предвыборная кампания являлась отличным поводом устранить его с политической арены. Она настаивала на исключительно политическом мотиве, но Итан чувствовал: здесь точно кроется нечто большее.

Невозможно совершить преступление и не оставить при этом улики. Всё указывало на тщательно спланированную кражу, и эта противоречивая ситуация требовала серьёзного осмысления. Итан решился позвонить Рэю. Они были знакомы ещё до ухода Итана из ФБР, но с тех пор Рэй изменил своё мнение о сыщике и теперь относился к нему более прохладно.

– Могу я узнать, какие улики вы обнаружили на месте преступления? – спросил он комиссара полиции.

Это был его первый и, как оказалось, последний вопрос Рэю.

– Нет! – бросил Рэй, окончательно прервав так и не начавшийся разговор.

Расследование таинственного исчезновения содержимого сейфа вновь окуталось плотным туманом неопределённости, за которым сыщик пытался разглядеть скрытую истину. Конверт с посланием, будто призрак, маячил перед мыс-

ленным взором Итана, оставаясь первой неразрешённой загадкой в этом деле и в то же время тонкой, призрачной нитью, ведущей к преступнику. Никто из Риверов не видел его раньше, следовательно, конверт стоило рассматривать как первую улику.

Но что же скрывалось за этим посланием? Была ли это улика, которую не заметил Рэй? Маловероятно, скорее сам Джордж скрыл его существование от комиссара. Но зачем? А может, существовал и третий вариант – письмо вообще не имело никакого отношения к делу. Тогда откуда оно взялось? Надпись «Roma 1.28»... Итан сделал запрос в интернете и прочитал:

«К римлянам. Глава 1, стих 28. И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства...»

Как это сочеталось с кражей из сейфа? При чем тут Бог и непотребства?

Вторая загадка казалась не менее запутанной. Как злоумышленник смог проникнуть в кабинет, оставшись незамеченным? Системы видеонаблюдения по периметру дома не зафиксировали ни единой подозрительной тени. Хуанита, горничная Виктории, клялась, что не видела в тот день в доме посторонних. Зато на камерах была Виктория.

Круг подозреваемых неумолимо сужался, оставляя в поле зрения лишь две фигуры: Хуаниту и Викторию. У каждой из них был доступ к месту преступления, оставалось найти мо-

тив. Кандидатуру Джорджа Итан отбросил сразу, поскольку был уверен в его невиновности.

Хуанита Гонзалес... Итан вновь и вновь прокручивал в голове её образ. Что могло заставить эту преданную семейству Ривер женщину пойти на преступление? Жажда наживы? Но зачем ей такие деньги? Работа в семье Ривер была не просто местом заработка – это был билет в стабильную, обеспеченную жизнь. Зачем рисковать этим ради мгновенного обогащения? Риверы щедро оплачивали её труд, предоставляя всё необходимое. Она могла в любой момент попросить о повышении жалования, и семья, не задумываясь, пошла бы ей навстречу. Что же тогда толкнуло её на этот отчаянный шаг? Или, быть может, он ошибается, и Хуанита – лишь пешка в чьей-то изощрённой игре?

Допустим, она решилась на эту кражу, но как она узнала код сейфа? Могла случайно или намеренно подсмотреть. Но она не настолько умна, чтобы сбыть украденное самой, в каждом ломбарде у полиции свои люди, которые тут же сдадут её, увидев бриллианты на сумму в полтора миллиона долларов. Другое дело, если у неё был пособник – тот, кто организовал кражу, а теперь она его покрывает. Любовник? Возможно. Или, что ещё хуже, – шантажист, держащий Хуаниту в железных тисках страха.

Итан запросил досье на горничную, надеясь найти хоть малейшую зацепку. Но расследование ничего не дало. Хуанита жила словно в монастыре – никаких контактов с внеш-

ним миром, кроме редких звонков семье в Мексику.

Виктория... Могла ли она сама организовать кражу? Версия показалась ему абсурдной, но Итан знал: в криминальных делах не существует невозможных сценариев. Но зачем? Какая цель могла оправдать столь рискованный шаг? Финансово независимая, Виктория не нуждалась ни в чём.

Все эти вопросы крутились в голове детектива, пока не произошло то, что связало воедино все преступления, включая таинственное исчезновение Кристины. Итан ещё не знает, что именно это событие станет ключом к разгадке запутанной истории и извлечет на свет из глубин прошлого мрачные тайны семейства Ривер.

Глава 3

УБИЙСТВО В СТАРОМ ОСОБНЯКЕ

Я не боюсь умереть. Я просто не хочу при этом присутствовать.

Вуди Аллен

Ещё не успела стихнуть газетная шумиха вокруг Риверов, как спустя три дня появилась новая шокирующая новость: в старинном особняке был найден труп известного кутюрье, одного из близких друзей семьи Ривер – Мэтью Конора. Горничная обнаружила его тело в библиотеке, которая служила кабинетом Мэтью: горло кутюрье было перерезано...

Итану позвонил Рэй и пригласил приехать, не утруждая себя долгими объяснениями.

– Тебе будет интересно, – лишь произнёс он.

Детектив не стал настаивать на деталях. Смутное предчувствие уже шевельнулось в нём: все эти преступления – звенья одной цепи. Не теряя времени, он отправился к месту происшествия.

Ещё издали Итан заметил мрачное здание особняка и вереницу полицейских машин у подъезда. У ограды толпились зеваки – немногочисленные, но взволнованные. Они переговаривались приглушёнными голосами, делились догадками, бросая взгляды на окна особняка.

– Несчастный случай, наверное... – донёсся до Итана чей-то неуверенный шёпот.

– Убийство, точно убийство, – возражал другой голос.

На лицах собравшихся читались изумление и тревога.

Кто-то, едва услышав новость, торопливо доставал телефон, чтобы передать её дальше. К полудню слухи о таинственной смерти Мэтью Конора достигнут апогея – Итан знал это наверняка.

Итан не раз проходил мимо этого величественного особняка, даже не помышляя о том, что когда-нибудь переступит его порог. Но каждый раз его взгляд невольно притягивался к этому архитектурному шедевру, застывшему во времени, подобно древнему рыцарскому замку из старинных легенд и волшебных сказок.

Массивные каменные стены, казалось, тонули в голубой синеве неба, сливаясь с ней и уносясь шпилями башен в проплывающие мимо облака. Они всё ещё хранили в себе отго-

лоски минувшей эпохи, а стрельчатые окна, словно внимательные глаза великана, с любопытством наблюдали за суетливой городской жизнью, проходившей мимо. В каждой детали дома – от солидных дверей до филигранных карнизов – жила память о былом, готовая поделиться сокровенным с тем, кто проявит интерес.

Прежде манящая аура этого места, его чарующая энергетика растворялись в обыденной повседневности, а трагическое событие превратило сказочный замок в мрачную сцену жестокого преступления. Серые каменные стены теперь казались фамильной усыпальницей. Величественное здание, некогда служившее оплотом знатного рода, теперь хранило лишь эхо былых празднеств и отголоски величия его владельцев.

Мэтью Конор, последний из рода Коноров, этой ночью завершил свой путь. Гордый, амбициозный молодой аристократ ушёл, не оставив после себя ничего, кроме тяжкого бремени долгов и клубящихся над его именем мрачных слухов, которые уже расползались по городу, обрастая всё новыми подробностями. С его уходом особняк превратится в призрак былого благополучия. Впрочем, кто знает, сколь долго продлится это забвение? Стоит банку выставить имение на торги, и новый владелец не заставит себя ждать и, возможно, внесёт в историю старинного дома новую главу.

Итан по привычке медленно огляделся. Полуразрушенные бойницы и покосившаяся черепица придавали замку за-

брошенный вид, но внутри него пока ещё кипела жизнь. Синие проблесковые маячки полицейских машин отбрасывали световую мозаику на его стены, а в окнах мелькали тени сотрудников полиции. Тут и там то и дело сверкали вспышки фотокамер: в самом здании – криминалистов, снаружи – репортёров.

Сыщик уверенно шагнул на крыльцо дома, но его путь преградил полицейский в форме. Итан протянул удостоверение частного детектива и добавил весомый аргумент – произнёс имя Рэя. Это тут же сработало. Страж порядка мгновенно преобразился, его лицо приветливо просветлело, и он, вернув Итану документы, отступил в сторону, давая возможность пройти.

Итан переступил порог родового гнезда Коноров.

Дом сразу окутал его густой, почти осязаемой тишиной. Ветхий паркет под ногами тяжело вздыхал протяжным скрипом – словно особняк изливал душу в этом жалобном стоне, повествуя о былом величии и нынешнем упадке. В воздухе таился тонкий аромат минувших лет – смесь выцветших духов, пожелтевшей бумаги и горьковатого запаха увядающих роз из заброшенного сада.

Пыльные окна, пронизанные лучами заходящего солнца, напоминали глаза древнего стража, беспристрастно наблюдавшего смену поколений Коноров – и теперь ставшими немым свидетелем печального финала их трагической истории.

Итан остановился в центре зала. Взгляд скользнул по потемневшим портретам в резных рамах, выцветшим гобеленам, старинной мебели.

Поднявшись по мраморной лестнице на второй этаж, он сразу заметил кабинет Мэтью – помещение, где находилась семейная библиотека. Внутри суетились криминалисты. Он остановился в дверях, не смея пересечь запретную границу, чтобы не мешать их работе. Отыскав взглядом Рэя, он кивнул ему. Комиссар, заметив сыщика, ответил тем же. Рэй не мог отказать в просьбе Джорджа оказать содействие детективу, нанятому Викторией. Неохотно, кивком головы Рэй пригласил того внутрь. Они обменялись рукопожатием, и Итан огляделся.

Первое, что сразу бросилось ему в глаза, – старинные величественные напольные часы, чей позолоченный корпус украшали изящные завитки и замысловатый орнамент. Маятник, который должен был лениво раскачиваться из стороны в сторону, отсчитывая драгоценные мгновения размеренным движением, теперь замер. Стрелки угольного цвета застыли на поблёкшем циферблате в резной раме, отмечая двенадцать часов десять минут. Поскольку ещё стояло утро, несложно было догадаться: это время относилось к ночным часам, наступившим сразу за полуночью.

Тело Мэтью Конор покоилось на антикварном стуле, залитом его собственной кровью, голова была запрокинута назад, демонстрируя причину его смерти – огромный разрез

на шею, через который и ушла вся его жизнь. В помещении царили порядок и чистота, достойные аристократа, каким, впрочем, и был бедняга Мэтью. На столе, за которым он сидел, были разложены аккуратными стопками купюры и... похищенные драгоценности из сейфа Джорджа Ривера – серьги с ожерельем. Эта находка многое объясняла, но и ставила новые вопросы.

В кабинете Мэтью шла стандартная процедура осмотра места преступления. Это была слаженная, рутинная работа следственной группы, знакомая Итану, где каждый выполнял свою задачу. Каждый предмет, привлёкший их внимание, отмечался ярким флажком с номером, а фотоаппараты неустанно щёлкали, запечатлевая картину преступления во всех деталях.

Итан, дождавшись подходящего момента, обратился к Рэю:

– Разрешите? – его взгляд скользнул в сторону безжизненного тела.

– Только предельно осторожно, – отозвался тот. – Хотя кому я говорю...

Протянув сыщику бахилы, комиссар наблюдал, как тот торопливо и аккуратно надевает их поверх обуви. Соблюдая осторожность, чтобы не мешать работе полиции, Итан приблизился к телу. Он занял позицию за спиной покойного, а затем, сделав несколько плавных шагов назад, прислонился к стене. Отсюда открывался наилучший обзор всей сцены,

позволяя оценить ситуацию в целом.

Итан внимательно осмотрел помещение, стараясь не упустить малейшей детали: массивный деревянный стол, книжные полки вдоль стен, пара удобных кресел для посетителей. Однако сейчас эта обстановка показалась ему неестественной, почти театральной. Медленно двигаясь вдоль стены, Итан пытался воссоздать картину произошедшего. Его внимательный взгляд выхватывал из общей картины малейшие и на первый взгляд незначительные несоответствия: календарь, чуть сдвинутый в сторону, ручка, свалившаяся со стола и лежавшая сейчас рядом с яблоком на полу.

Он смотрел, как криминалисты делали свою работу, как будто он был среди них. Один аккуратно снимал отпечатки пальцев с поверхности стола, другой фотографировал каждый сантиметр помещения. Флажки-маяки постепенно заполняли пространство кабинета, отмечая важные места: следы обуви, капли крови, предметы, сдвинутые с привычных мест. Итан мысленно отметил профессионализм работы и вновь перевёл взгляд на тело.

Рэй, наблюдавший за действиями Итана, одобрительно кивнул. Он знал, что этот человек способен увидеть то, что может ускользнуть от других.

Между тем, остановившись в углу кабинета и задумчиво глядя на тело Мэтью, Итан уже выстраивал в голове первую версию произошедшего. «Здесь явно что-то не так», – подумал он, отмечая про себя несколько несоответствий в общей

картине. Но пока было рано делать выводы. Нужно дождаться результатов экспертизы и собрать больше информации. Прислонившись к стене, он стал размышлять.

Версия самоубийства тут же была отброшена как несостоятельная. Отсутствие орудия преступления – вероятно, ножа – говорило само за себя. Если бы это было самоубийство, оружие осталось бы на месте.

Более того, характер раны на горле исключал саму возможность самоубийства. Глубокая, ровная, почти хирургически точная – она была нанесена уверенной рукой, знающей, куда бить. Мэтью не смог бы нанести себе подобный удар – анатомически это было невозможно.

Очевидно, что Мэтью был не один, убийцей вполне мог быть его сообщник. Кто-то из них, а возможно и оба совершили кражу из сейфа в доме Риверов. Мэтью доверял своему будущему убийце настолько, что позволил приблизиться на расстояние вытянутой руки. Убийца явно застал жертву врасплох, поэтому Мэтью не сопротивлялся. Он подошёл к Конору сзади и быстро, одним движением, перерезал ему горло – никаких следов борьбы в кабинете не наблюдалось, и на теле Мэтью не было ни ссадин, ни синяков, ни царапин.

Но почему, убив Мэтью, преступник не забрал деньги? Итан перевёл взгляд на комиссара. Тот стоял у окна, его силуэт вырисовывался на фоне серого неба, а в глазах читалась такая же тревога, что терзала Итана.

Время от времени Рэй бросал короткие взгляды на тело

Мэтью, и тень сомнения, мелькавшая на его лице, говорила Итану: комиссар что-то знает, но пытается это скрыть. Создалось впечатление, что он не столько удивлён, сколько раздосадован случившимся.

– Вы думаете о том же, о чём и я? – поинтересовался Итан, подойдя к комиссару.

– Понятия не имею, о чём думаешь ты, – ответил Рэй. – Лично я думаю, что в городе скоро начнётся паника, если динамика преступлений продолжится такими темпами.

– Возможно, вы правы, комиссар, – согласился Итан. – Но есть и хорошая новость.

– Да неужели? – удивился Рэй. – Тогда поделитесь, господин детектив, с полицией.

– Похоже на то, что все три события между собой связаны, и часть из них вы уже раскрыли.

– Ты имеешь в виду похищение Кристины, кражу в доме Риверов и это убийство? – уточнил Рэй.

– Точно, – подтвердил сыщик. – Кстати, насчет похищения, уверены, что Кристину похитили? Она вполне, как утверждает Джордж, могла сама уйти из дома. Такое было не раз.

– Поверь, это похищение. Ты не знаешь Джорджа так, как знаю его я. Да тебе и не надо этого знать. Просто делай свою работу или не делай, не думаю, что в деле Риверов ты продвинешься далеко.

– Почему? – удивился Итан.

– Руки коротки! Так какое же из трёх преступлений, ты считаешь, я уже раскрыл? – удивился комиссар.

– Похищенные драгоценности.

– Ах это... Ну, пока рано говорить о раскрытии, сейчас это улики, ими они и останутся, – задумчиво произнёс Рэй, не отрывая взгляда от сверкающих украшений.

– Да, но раз они тут, что вам мешает сделать вывод о том, что перед нами их похититель?

– Возможно. Только как ему удалось проникнуть в дом Риверов и открыть сейф?

Итан пожал плечами:

– Возможно, служанка Виктории, Хуанита, была с ним в стоворе, а может, у нас появился кто-то новый – тот, кого мы не замечаем. Очевидно одно: у Мэтью был пособник, который и убил его. Он мог принести деньги, и они начали их делить. Мэтью пожадничал, и тот его убил. Но вот чего я не могу понять – почему он не забрал деньги? Забыл? Маловероятно, ведь оружие преступления он не забыл взять. Как насчёт камер наблюдения, на них что-то есть?

– Проверяют, – отозвался Рэй, он и сам с нетерпением ждал результатов.

– А время смерти уже известно?

Комиссар кивнул:

– Известно... И что примечательно: это время соответствует тому, которое демонстрируют эти часы, – он указал на антикварный хронометр, стоявший в комнате с видом непо-

го свидетеля разыгравшейся драмы. – Создаётся впечатление, что механизм прекратил ход в тот самый миг, когда жизнь Мэтью оборвалась – или почти одновременно с этим.

– То есть восемь с половиной часов назад? – уточнил сыщик.

Рэй снова кивнул.

– Но как это возможно? – в голосе Итана звучало неподдельное изумление. – Жертва никак не могла остановить часы самостоятельно. Выходит, убийца намеренно оставил нам некое послание. Но что он хотел сказать? Почему время на часах имеет такое значение?

Рэй лишь пожал плечами. Он и сам уже думал об этом, и вопросы сыщика ему не помогали, рождая ещё больше загадок в его и без того заполненной голове. Однако Итан не унимался.

– Возможно, мы пока об этом не догадываемся, – произнёс детектив, – но, сдаётся мне, этот факт станет ключевым для убийцы в этом деле. – Он сделал паузу, словно взвешивая каждое слово. – Орудие преступления уже нашли?

– Ты имеешь в виду то, чем ему перерезали горло? – спросил Рэй, нервно поправляя воротник рубашки.

– Нож, – подсказал Итан.

– Почему именно нож? – удивился комиссар, слегка приподняв брови. – Возможно, это скальпель... опасная бритва...

– Яблоко на полу имеет след ножа, а нож, как я полагаю,

вы не нашли.

– Нет, – согласился комиссар.

Рэй медленно приблизился к безжизненному телу, склонился над ним и взгляделся в зияющую рану. Его опытный взгляд безошибочно определил характер повреждения.

– Судя по ровному разрезу, это вполне мог быть медицинский скальпель, – негромко произнёс он. – Ровный, чёткий разрез.

Итан задумчиво потёр подбородок, продолжая анализировать ситуацию:

– Предположим, преступник запаниковал. Он увидел кровь и в ужасе сбежал, забыв про деньги. Такое случается – в момент преступления человек теряет контроль над собой. Эмоции захлёстывают, шок парализует разум. То, что казалось простым в момент убийства, становится невыносимо сложным, и человек теряется. Убийца бежит с места преступления, надеясь, что всё происходящее – лишь кошмарный сон. Следует найти этот нож, возможно, он его обронил где-то по пути или выкинул поблизости.

Итан не сомневался: нож где-то поблизости. Он непременно объявится в самый неожиданный момент – там, где его никто не станет искать. Но тот, у кого он окажется, тут же превратится в главного подозреваемого. А если на лезвии ещё обнаружат отпечатки...

Комиссар бросил на сыщика тяжёлый взгляд исподлобья. Он нахмурился и произнёс:

– Итан, тебе мозг не жмёт? Ты, часом, не собираешься занять моё кресло? – в его голосе звучала явная ирония. – Ты будешь учить меня, что мне делать?

Задумчиво потирая переносицу, Рэй перевёл взгляд на стол с уликами. Пачки денег и россыпь драгоценностей, тускло поблёскивавших в неярком свете, казалось, насмехались над ним.

– Ладно, допустим, ты прав. А что насчёт похищения Кристины? – поинтересовался он. – Как оно вписывается в эту картину?

Итан пожал плечами.

– Думаю, всё связано с драгоценностями, – произнёс он, – именно эта нить возвращает нас к Риверам.

Рэй хмуро взглянул на сыщика. Было видно, что он и сам об этом думал, но не хотел говорить.

– Допустим, Мэтью похитил Кристину, а эти деньги – выкуп за неё. Тогда, выходит, кто-то из Риверов или они оба взяли из сейфа деньги и принесли Мэтью, но что-то пошло не так. Может, ему сумма показалась незначительной, захотел больше. Тогда они убили его. Представим, что в комнате было трое: Мэтью сидел за столом, а Виктория стояла перед ним с деньгами... Мэтью смотрел только на неё и не обращал внимание на Джорджа, который подошел со спины и перерезал ему горло.

При этих словах глаза комиссара округлились.

– Ты соображаешь, о чём говоришь? – Рэй, покраснев,

буквально кипел от возмущения. – Как ты себе представляешь этого банкира-белоручку с ножом в руке? Ты в своём уме? Ты ещё и жену его сюда приплёл... Бог ты мой, Итан, тебе детективы впору писать!

Сыщик лишь пожал плечами. Ему были знакомы люди, способные пойти на убийство и по куда менее весомому поводу. Да, Джордж – банкир, но и ему не чужды человеческие страсти. Итан мысленно представил: если бы у Рэя похитили дочь, стал бы он церемониться? Нет, достал бы пистолет и без колебаний пристрелил мерзавца.

Итан хотел развить эту мысль, но, взглянув на комиссара, мгновенно понял: дело принимает скверный оборот. Дружба с семьёй Ривер значила для Рэя слишком много – он ревностно оберегал их от малейших подозрений.

Итан наблюдал, как настроение комиссара, словно «Титаник», столкнувшийся с айсбергом, неотвратимо погружается в тёмную пучину нераскрытых дел. На мгновение ему даже стало жаль Рэя. Но что тут поделаешь – такова его работа.

– Ну, допустим, – неожиданно согласился с ним Рэй, – тогда почему никто из них не взял свои деньги обратно?

– А зачем? – усмехнулся Итан. – Содержимое сейфа застраховано. Ладно деньги, но как бы они объяснили появление похищенных драгоценностей? Оставив всё на месте, тем самым они отвели от себя подозрения. Таким образом, обнаруженные ценности сами вернутся к ним. Конечно, есть и другая версия – убийца просто испугался и сбежал. А что

говорит горничная Мэтью?

– Ничего, – пожал плечами Рэй. – Трясётся вся, как бельё на ветру.

– Ну, её можно понять, не каждый день видишь такое, – посочувствовал Итан. – Скажите, Рэй, вы знали Мэтью? Как бы вы его охарактеризовали?

– Обычный бабник, не пропускал ни одной юбки, – комиссар скривился, словно проглотил что-то горькое.

Итан задумался, его взгляд устремился вдаль, словно он пытался разглядеть там ответы на все вопросы.

– Думаю, мы здесь больше ничего не найдём, – наконец произнёс он.

– Почему? – удивился Рэй.

– Судя по способу убийства и тому, как преступник нанёс свой удар, это определённо не Риверы. К тому же они кругом пострадавшие: у них похитили дочь, украли деньги. Их отпечатки ничего не дадут – это их деньги и драгоценности, к тому же Риверы наверняка тут бывали. Это – показательное убийство. Что собираетесь делать?

– Работать, – заключил Рэй, обдумывая слова детектива. – Но тебе я не советую совать свой нос в это дело.

Комиссар развернулся слишком резко, слишком стремительно, так, что Итану на мгновение показалось – Рэй бежит с поля боя, капитулирует. Его шаги, тяжёлые и неуверенные, эхом отражались от стен коридора, создавая карти-

ну поспешного бегства.

Итан остался стоять, словно пригвождённый к месту, с удивлением провожая взглядом удаляющуюся фигуру. В его душе нарастало тревожное предчувствие, знакомое каждому сыщику, – предчувствие того, что за фасадом официального расследования скрывается что-то ещё. Но вот что? Тут может крыться страх – кто-то слишком рьяно защищает свои тайны, и эти тайны могут оказаться смертоноснее любого оружия. Он, словно охотничья гончая, уже чувствовал запах следующего убийства.

В тишине коридора, нарушаемой лишь приглушённым эхом шагов Рэя, Итан задержал взгляд на двери кабинета Мэтью – словно прощаясь с этим местом навсегда – и молча переступил порог особняка.

Тремя днями ранее

Жизнь Мишель Мур протекала в тени одиночества, но вина за это лежала не на ней. словно раскалённое солнце пустыни, судьба выжгла всё, что было ей дорого, – и в душе не осталось ни трепетного пламени любви, ни даже слабой искры надежды.

Со временем Мишель свыклась со своей неизменной спутницей: одиночество больше не тяготило её – напротив, она носила его с изысканным достоинством, словно тщательно подобранный наряд. В этом странном облачении она чувствовала себя свободно и непринуждённо, будто наконец нашла ту единственную роль, которая идеально ей подходила.

Мишель была женщиной редкого сочетания качеств: красота, острый ум и властная натура, присущие королевским особам, сразу выделяли её из толпы. Она никогда не искала чужой поддержки, предпочитая самостоятельно вершить свою судьбу и полагаясь только на себя.

Её жизненный путь пролегал по чётко намеченной прямой и поэтому был безупречен, словно безотказный механизм автомата Калашникова. А непреложным ориентиром в этом мире для неё стал древний принцип «око за око»: простой, беспощадный и не терпящий компромиссов. Может, поэтому у неё не было врагов – потому что не осталось...

Жизнь текла размеренно, и в этой предсказуемости была особая прелесть. Мишель создала свою вселенную, знала её границы и умела их отстаивать. Мир вокруг неё был понятен, а потому безопасен. Пока не случилось то, что изменило привычный ход времени, и её жизнь снова дала трещину. Мишель Мур оказалась на пути вспять – к истокам, которые, как ей казалось, давно остались позади.

В то утро Мишель, как обычно, отправилась на пробежку. Рассветные лучи солнца мягко золотили кроны деревьев, воздух был наполнен свежестью раннего часа – всё складывалось в привычный, умиротворяющий ритуал. Она мерно дышала, погружившись в ритм шагов, пока вдали не показался газетный киоск.

Что-то было не так. Вокруг киоска собралась небольшая толпа, люди взволнованно переговаривались, лица их выра-

жали изумление и тревогу. Мишель замедлила бег, притягиваемая этим необъяснимым волнением. Подойдя ближе, она уловила обрывки фраз: «Это скандал...», «дочь банкира...», «бесследно исчезла...» Рука машинально потянулась к газете. Взгляд Мишель скользнул по кричащему заголовку «Таинственное исчезновение дочери банкира». Но не надпись приковала её внимание – под заголовком была фотография.

Мишель замерла. На снимке была юная девушка – и в то же время... она сама. Та же линия скул, тот же изгиб бровей, такой же взгляд. Даже родинка на левой щеке – крошечная, неповторимая – расположена точно так же, как у неё.

На мгновение мир словно перестал существовать. Мишель смотрела на фотографию, и ей казалось, будто она глядит в зеркало, отражающее её юность. Но как такое возможно? Разум отказывался принимать происходящее. Она вновь и вновь всматривалась в черты лица на снимке, и с каждым мгновением уверенность в невероятном сходстве лишь крепла. Всё совпадало – до мельчайших, почти неуловимых деталей. Объяснений этому у неё не было. Купив газету, Мишель вернулась домой.

«Таинственное исчезновение дочери банкира» – вновь читала Мишель эти строки, надеясь, что они что-то изменят, объяснят, но не находила ответа.

«...дочь известного банкира Кристина Ривер пропала три дня назад при загадочных обстоятельствах, её мать Виктория Ривер в панике...»

Фотография пропавшей девушки напомнила то, что Мишель так старательно скрывала все эти годы, – воспоминания о её семье. Она медленно опустилась в кресло, пальцы машинально разглаживали газетную бумагу, словно пытались стереть изображение, но от этого таинственный образ лишь становился чётче... С тяжёлым вздохом она отложила газету и потянулась к семейному альбому, чьи потёртые страницы хранили память о прошлом. Пальцы сами нашли знакомое фото – она и её мать, застывшие в мгновении давно ушедшего времени. Мишель сравнила снимок с газетной фотографией, и то, что она увидела, заставило её сердце замереть.

Три женщины, разделённые временем и судьбой, между тем обладали поразительным сходством. Их черты, словно отчеканенные одним мастером, создавали иллюзию близнецов. И это не могло быть простым совпадением. Решение пришло мгновенно: она должна узнать правду, чего бы это ей не стоило. Внезапно она осознала, что в комнате стало слишком тихо. Даже привычный гул кондиционера стих, оставив её один на один с пугающей догадкой. Она достала телефон и набрала номер своего старого друга – частного детектива Такера Спенсера. Он, конечно, был не Ниро Вульф, зато она могла доверять ему. Кто знает, куда приведёт её эта нить... Гудки тянулись бесконечно долго, и наконец в трубке раздался знакомый голос.

– Такер, мне нужно, чтобы ты выяснил всё об одной девушке, – произнесла Мишель, не тратя время на привет-

ствия. – Её зовут Кристина Ривер. Сделай это максимально осторожно – не хочу, чтобы кто-то знал о моём интересе к ней.

Старина Такер, молчаливый свидетель её одиночества, сразу уловил неожиданный тон, в котором было неприкрытое волнение, смешанное с ярко выраженной тревогой. Он не помнил, чтобы видел Мишель в подобном состоянии. Волнение, с которым она говорила, сразу передалось ему.

В трубке повисло молчание, затем детектив осторожно спросил:

– Это как-то связано с тобой?

Мишель помедлила, глядя на фотографию девушки, которая вполне могла быть её юной копией.

– У меня есть предчувствие, что да, – наконец ответила она. – А я никогда не игнорирую подобные предчувствия.

Пальцы всё ещё предательски дрожали, когда Мишель медленно опустила руку с телефоном. Она вернулась в кресло, глубоко вздохнула и постаралась взять себя в руки.

Такер – профессионал. Он непременно раздобудет нужные сведения куда быстрее, чем она сама, в мутных водах газетных домыслов. Разум твердил: жди, доверься опытному человеку. Но сердце призывало действовать. Внутри нарастало сопротивление – то самое, что годами двигало её вперёд, открывая запертые двери и превращая невозможное в реальность.

Не теряя времени на раздумья, Мишель вновь схватила

телефон. Она приняла решение, и прежнее самообладание сразу вернулось к ней. Теперь пальцы уверенно набрали запрос, и через минуту на экране появилось подтверждение: билет до Норфолка забронирован.

На следующее утро Мишель Мур с удивлением наблюдала, как из дома Риверов выходит Дьявол – мужчина, который уничтожил её жизнь. Саймон Морелли. Однако газеты утверждали, что это Джордж Ривер. Сейчас, глядя на его фигуру, она погрузилась в пучину прошлых лет.

Саймон Морелли, будучи итальянцем по матери, нёс в себе частицу пламени южной крови – его предки жили на знойной Сицилии, и эта древняя земля оставила неизгладимый отпечаток на его облике и натуре. Материнские гены проявились в нём с поразительной силой. Его мать была женщиной гордой и при этом необыкновенно красивой, и сын унаследовал от неё всё самое яркое.

Его внешность обращала на себя внимание с первого взгляда. Густые локоны, чёрные, словно крыло ворона, обрамляли тонкое, выразительное лицо с правильными чертами. В его глазах таилась особая искра – отблеск сицилийского солнца, в котором расцветало пламя неукротимого темперамента. Каждая черта дышала южным колоритом: смуглая кожа, чувственные губы, гордая посадка головы. Его обаяние и изысканная небрежность были подобны магии: девушки, пленённые природной харизмой, невольно тянулись к нему. Саймон не старался покорять, всё происходило само собой

– спонтанно, как бы между делом, в лёгком разговоре или мимолётном прикосновении.

Мишель не стала исключением. Едва попав в этот вихрь чувств стремительно и безоглядно, она тут же пропала в нём. Их отношения вспыхнули, подобно костру под палящим солнцем. Это не была тихая, размеренная любовь, скорее настоящий ураган эмоций – страстный, необузданный, всепоглощающий. Но, как и всякая стихия, их страсть оказалась недолговечной. Достигнув своей кульминации, она начала угасать с той же стремительностью, с какой разгорелась. Саймон, утолив жажду страсти, постепенно охладел к Мишель. Его внимание переключилось на другие «объекты». Для него это был естественный процесс – он жил мгновением, принимая решения и не думая об их последствиях.

А Мишель осталась посреди руин, одна, погребённая под пеплом собственных чувств. В одночасье её мир, казавшийся таким полным и ярким, превратился в холодную пустыню одиночества. Слезы, бессонные ночи, мучительные попытки понять, что пошло не так, – всё это стало её реальностью. Она блуждала в лабиринте воспоминаний, где каждый поворот напоминал о мгновениях счастья, которые теперь казались призрачными.

Именно в этот тяжёлый период в её жизни появился Майкл, друг Саймона. В отличие от пылкого и переменчивого Саймона он был воплощением надёжности и постоянства. Его спокойный взгляд, умение слушать и понимать – всё это

стало для Мишель спасительным якорем. Постепенно, шаг за шагом, он помог ей восстановить утраченную веру в любовь, научил снова видеть свет там, где раньше была лишь тьма. И именно он стал тем человеком, который превратил её разбитое сердце в источник новой, зрелой любви – той, что основана на взаимном уважении и глубокой привязанности.

И если Саймон Морелли был Дьяволом – средоточием всего низменного и порочного, что таится в человеческой душе, то Майкл Браун являл собой свет, как олицетворение всего возвышенного и благородного. В нём сочетались все качества, что приписывались истинному джентльмену: честь и достоинство, благородство и великодушие. В то время, как первый сеял в душах раздор и разрушение, второй протягивал руку помощи каждому нуждающемуся. Там, где Морелли видел лишь личную выгоду и возможности для манипуляций, Браун обретал почву для проявления сострадания и милосердия.

Их любовь с Майклом напоминала волшебную сказку – настолько чистой и всеобъемлющей она была. Вскоре Мишель узнала, что носит под сердцем их ребёнка, и каждый день беременности наполнялся светлыми мечтами о грядущем счастье. Но судьба, будто испытывая её на прочность, обрушила неожиданный удар – столь сокрушительный, что Мишель до сих пор не сумела полностью оправиться.

В один из дней раздался телефонный звонок, после которого Майкл, коротко поцеловав Мишель, поспешно уехал.

Она не стала расспрашивать: привыкла не вторгаться в его дела. В тот момент она готовила обед, но к обеду Майкл так и не вернулся... Спустя некоторое время в их квартире раздался звонок.

– Мишель Мур?

– Да, а кто это? – настороженно спросила она.

– Департамент полиции. Сожалеем, но вынуждены сообщить: ваш муж найден мёртвым – его застрелили.

Роды начались внезапно. Машина скорой помощи, суесящиеся врачи, холодный свет ламп родильной палаты, её крики – всё слилось в кошмар, которому, казалось, не будет конца...

И вот раздался первый крик новорождённого ребенка – их с Майклом дочь наконец появилась на свет. Крошечное существо беспокойно било ножками, словно протестуя против сурового мира, в который только что вступило. Мишель всматривалась в сморщенное личико, ловила каждый крик, каждый вздох. В этот миг растворились все её боли и страхи. В голове проносились приятные моменты – образы будущего: улыбки, первые шаги, сказки на ночь. Сердце снова переполнялось любовью – новой, всепоглощающей, настоящей.

Акушерка бережно унесла малышку на осмотр. Мишель лежала, улыбаясь своим мечтам, прислушиваясь к плачу дочери из соседнего помещения. Неожиданно все звуки замерли и наступила тишина... тревожная и пугающая. Затем дверь открылась. Лицо акушерки сказала всё без слов. Она

медленно подошла к Мишель и взяла её за руку.

– Мне очень жаль... Девочка была слишком слаба... Мы сделали всё возможное...

Мир обрушился на неё, превращая мечты в прах. Безумный крик отчаяния и невыносимой боли разорвал воздух, сотрясая стены палаты. Захлестнувшая её паника грозила лишить рассудка. Пальцы судорожно сжали края кровати, комкая простыню, в тщетной попытке обрести опору. Акушерка продолжала что-то говорить, но Мишель не слышала её слов, она прижала к груди подушку и беззвучно зарыдала.

В ту же секунду водоворот отчаяния подхватил Мишель, унося её в пропасть, грозя утопить в мрачных водах горя и скорби. Оглушительная тишина палаты сменилась безудержными рыданиями, боль разрывала её тело и душу на части. В этот момент она поняла, что потеряла не просто ребёнка – она потеряла всё...

Время старалось притупить её боль, и Мишель постепенно училась жить заново, училась дышать, глотая воздух, пропитанный горечью утраты. Но стоило ей лишь подумать о дочери, как прошлое накатывало удушающей волной – боль, ужас и снова тот самый пепел несбывшихся надежд. Он проникал ей под кожу, заполнял лёгкие, становился частью её существа, и она, балансируя на грани безумия, задыхаясь в собственных воспоминаниях, снова умирала... Раз за разом, все эти девятнадцать проклятых лет.

Казалось, с тех пор прошла целая вечность, но её раны всё

ещё кровоточили и не думая заживать. И вот сейчас, когда она почти привыкла жить с этой болью, статья о пропавшей дочери Риверов Кристине снова вывела её из хрупкого равновесия.

Девятнадцать лет... Тот же возраст мог быть и у её дочери. Совпадение? Сердце сжалось от зародившейся надежды. Но что, если всё окажется правдой и Кристина её дочь... Какое ещё испытание готовит ей жестокая судьба?

Мишель смотрела, как Саймон Морелли, убийца её мужа, проходит мимо, гордый, самоуверенный, будто это не он разрушил её жизнь, словно не его руки отняли у неё самое дорогое. Мишель, не в силах пошевелиться, с нескрываемой ненавистью смотрела ему вслед. Прошлое, восстав из пепла, снова держало её за горло, не собираясь отпускать. Но в этот миг в её сознании, словно молния, появилось решение – чёткое, беспощадное, неотвратимое. Оно расставило всё на свои места, превратив хаос отчаяния в холодный, ясный план.

Глава 4

РИВЕРЫ: ПОКРОВ ТАЙНЫ

Если секрет знают больше, чем двое, это уже не секрет.

Агата Кристи

Водитель, изредка бросая взгляды в зеркало заднего вида, чувствовал неловкость и тревогу, невольно став свидетелем

лем переживаний Мишель. Он привёз её в конечную точку маршрута – престижный район города, где находились дома влиятельных людей, и долго стоять тут он не мог. Однако пассажирка не выходила... Вместо этого женщина словно решала для себя сложную задачу, наблюдая за домом, в котором жило семейство Ривер – известного банкира Джорджа Ривера. Но что привело её сюда? Она всё больше напоминала ему репортёра в погоне за сенсацией, проводящей собственное расследование. Таким людям полагалось быть беспристрастными, но тут всё было иначе. В женщине, что сидела у него за спиной, он чувствовал некую личную заинтересованность. Её молчание настораживало, рождая недобрые предчувствия. Он мечтал сменить пассажира, но остался на месте – спокойный и сдержанный, – дожидаясь развязки этой немой драмы. К тому же женщина уже заплатила ему сумму, достаточную для недельного простоя без потерь.

Когда пассажирка наконец приготовилась выйти, он с облегчением выдохнул. Но тут их глаза на долю секунды встретились... И в этом мимолетном взгляде он увидел гораздо больше, чем ожидал: гнев, за пламенем ярости которого угадывалась какая-то невысказанная боль и вместе с тем безумная одержимость... Мишель, в свою очередь, заметила в глазах водителя тревогу и поспешила улыбнуться, чтобы успокоить его. Она подалась вперед, её рука коснулась ручки двери и замок щелкнул, но в этот момент парадная дверь дома Риверов вновь распахнулась – на пороге возникла женщина.

Мишель тут же впилась в неё пристальным взглядом, напряжённо изучая черты лица, которые казались чужими, разительно отличаясь от тех нежных очертаний, запечатлённых на фотографии Кристины.

У Мишель перехватило дыхание. То смутное предчувствие, что всё это время теплилось в её душе, теперь обрело невероятную силу и ясность. Все кусочки головоломки наконец-то сложились в единую картину: Кристина не была дочерью Риверов! Её дочь жива! Она – её дитя, дочь Мишель и Майкла! Эта мысль пронзила сознание Мишель, наполняя её и безумной радостью, и тревогой.

Как Кристина оказалась у Риверов? Ответ лежал на поверхности, но Мишель упорно его отвергала. Риверы отняли у неё ребенка... это не укладывалось у неё в голове. Зачем им это, какой в этом смысл? Возможно, Виктория Ривер не могла иметь детей. Но почему они выбрали именно её ребёнка?

Чтобы разобраться в этой ситуации, ей нужны были объективные ответы, а не пустые домыслы. Она должна разобраться во всём сама – удостовериться, что это именно то, что она думает, а именно похищение ребенка. И тогда Риверы ответят за всё сполна! А сейчас... сейчас она будет искать эти чёртовы ответы, даже если ей придётся спуститься за ними в самое пекло ада. Она вырвет их из каждого, кто приложил к этому руку... И когда ответы будут у неё – придёт час возмездия!

Мишель дождалась, пока Виктория пройдёт мимо, и открыла дверцу машины. Поблагодарив водителя, она вышла и неторопливо двинулась следом за женщиной, ставшей приёмной матерью её дочери.

По мостовой ритмично стучали каблуки – Виктория Ривер торопилась на свидание. Её стройные ноги в выцветших джинсах завершались изысканными Christian Louboutin, а плащ от Gucci (заказ из Милана) эффектно колыхался при каждом шаге. Прохожие невольно оборачивались, но Виктория едва замечала их взгляды – все её мысли были о предстоящей встрече, от которой сердце замирало в предвкушении.

В ней удивительным образом сочетались две сущности: она умела быть и преданной женой, и свободной женщиной, живущей в мире мечтаний и удовольствий, не заботясь о мнении окружающих. Этот редкий дар обошёл её мужу Джорджу очень дорого.

В её голове проносились воспоминания о том дне, когда, преклонив колени, он умолял Викторию стать его женой. Он обещал ей весь мир, но она взяла только своё – право быть собой, право выбирать, право не подчиняться банальным условностям. И каждый раз, выходя из дома, она словно напоминала ему: «Ты лишь заплатил за тело, но не купил мою душу». Её жизнь была праздником – чередой ярких моментов, наполненных впечатлениями. Она не чувствовала себя виноватой – напротив, она чувствовала себя живой, настоящей, свободной. И пусть весь мир судит её – она знала,

что живёт так, как хочет. Джордж платит по счетам, которые она ему выставляет, а она живет с ним рядом – это хорошая сделка.

Ветер играл с её волосами, а впереди была ещё одна встреча, ещё одна возможность взять от жизни всё, что она хочет.

Особняк Мэтью Конора – наследие прославленного архитектора Тома Конора, отца Мэтью, чьё имя было знакомо каждому в штате Вирджиния. Половина знаковых домов вышла из-под его «пера», а сын унаследовал от отца не только само здание с его замысловатой архитектурой и антикварной мебелью, но и его славу неутомимого донжуана.

Мэтью всегда держался с непринуждённой грацией аристократа, чья наследственная порода проявлялась в каждой черте – от точёных линий лица до безупречной осанки. Серые глаза смотрели пронизательно, костюм сидел идеально, а манеры выдавали человека, воспитанного в лучших традициях. Говорил он тихо, с лёгкой иронией, умело сочетая остроумные реплики с внимательным слушанием. Его кругозор поражал: он свободно ориентировался в истории, искусстве, науке, легко переходя от античной философии к современным открытиям. Казалось, в его голове хранилась целая библиотека, откуда он изящно извлекал нужные факты в любой беседе.

Благодаря отцовскому наследству жизнь Мэтью превратилась в череду изысканных удовольствий. Он обожал блистать в обществе: званые вечера, закрытые клубы, утончённые бе-

седы – всё это было его естественной средой. Но истинным его пристрастием оставались женщины. К каждой он подходил как искушённый коллекционер редких сокровищ – трепетно и со вкусом: красиво ухаживал, выбирал лучшие рестораны для уединённых ужинов, дарил дорогие подарки, создавал атмосферу, где каждая ночь становилась маленьким приключением. Для него это было не просто развлечение – целая философия наслаждения.

Когда Виктория переступила порог библиотеки, стены которой, помимо стеллажей с книгами, украшали портреты предков Конора, Мэтью оторвал взгляд от фолианта, лежавшего на массивном столе из красного дерева.

– *Préféré pourquoi si longtemps?*¹

Её ответ прозвучал резче, чем она планировала, однако в нём не было ни тени оправдания:

– Разве я обязана перед тобой отчитываться?

Виктория произнесла это намеренно – хотела показать, что не позволит собой помыкать. Она прекрасно понимала, с кем имеет дело, но не могла устоять перед соблазном слегка уязвить его аристократическое самолюбие. Мэтью мгновенно уловил её настрой и предпочёл отступить.

– Милая, я просто беспокоюсь о тебе. Вдруг что-то случилось... – его голос стал мягче, почти вкрадчивым.

Он шагнул ей навстречу и заключил в объятия, согревая нежной страстью. Их губы, встретившись, слились в поце-

---

¹ Любимая, почему так долго? (фр.).

дуе, где уже не оставалось места словам. Он снова чувствовал вкус её губ, напоминавший взбитые сливки. Они были, впрочем, как и вся Виктория, шедевром.

В лос-анджелесской клинике мастера хейлопластики добились поразительного результата: губы Виктории обрели не просто красоту, а безупречную форму – словно произведение искусства, созданное для того, чтобы завораживать.

– Полегче, – мягко остановила она пылкого возлюбленного, слегка отстраняясь.

Мэтью неохотно отступил, но тут же с лукавой усмешкой добавил:

– Знаешь, я искренне завидую твоему мужу.

– Почему? – удивилась она.

– Ну как же... Иметь такую красавицу.

– Ты сейчас о чём? – нахмурилась Виктория, пытаясь понять истинный смысл слов Мэтью.

– Прости, не так выразился.

– У нас с Джорджем почти нет секса, если ты об этом.

– Да ладно. Вы же спите вместе, флюиды и всё такое... – Флюиды? – рассмеялась она. – Ничего нет, и уже давно.

– Дело в нём? – поинтересовался Мэтью, и его правая бровь поползла вверх.

Он смотрел на объект своего вожделения, одновременно открывая шампанское, своим видом напоминая бармена в полумраке бара, разливающего щедрой рукой потоки спиртного, где каждый коктейль – верх совершенства, а каждое

движение – отточенный жест виртуоза.

Она пожала плечами и взяла протянутый ей бокал шампанского. Поднеся его к губам, Виктория на мгновение задержала взгляд на искрящихся пузырьках, поднимающихся к поверхности. Первый глоток был неторопливым, осторожным – прохладная жидкость коснулась языка, раскрывая тонкую гамму вкусов. Лёгкая кислинка мгновенно пробудила вкусовые рецепторы, а мельчайшие пузырьки мягко зашекотали нёбо, создавая игривое ощущение. На губах задержался лёгкий след шипучей пены, а в груди разлилось приятное тепло, словно тихий отзвук далёкого летнего вечера.

– Но ведь Кристина – плод вашей с Джорджем любви, – произнес Мэтью, прерывая её наслаждение напитком.

Виктория с досадой взглянула на Мэтью, но, увидев его озабоченное лицо с округлившимися глазами, улыбнулась.

– Кристина не моя родная дочь...

Мэтью всегда забавляло то, как Виктория с лёгкостью меняла интонации в разговоре, преображаясь на глазах, словно актриса, репетировавшая роль. Но сейчас от её слов по телу Мэтью пробежали мурашки. Он молча кивнул, понимая, что переступил ту невидимую грань, за которой была её, Виктории, закрытая территория, там не было места для Мэтью. Однако его любопытство требовало продолжения разговора. Поразмыслив, он спросил напрямую:

– Зачем остаёшься с ним, если чувства угасли? Ради денег?

Она едва повела бровью – будто отмахнулась от его вопроса, не желая пускаться в долгие разъяснения.

– Ты ответил... – тихо произнесла она, избегая углубляться в лабиринты объяснений.

Он шагнул ближе, голос прозвучал настойчивее:

– Вик, но у меня они тоже есть! Я люблю тебя. Бросай его и иди ко мне! «Qui aime le cavalier, aime l'écuyer»².

– Exactement – «L'amore est aveugle»³, – голос Виктории сочился сладким ядом, – у меня есть всё, что нужно. Любовь – лишь уловка мужчин, чтобы не платить по счетам, а у Джорджа есть и то и другое, и он всегда платит сполна. Что такого ты мне можешь дать, Мэтью, чего у меня нет?

Мэтью замер, осознавая правоту её слов. Он не мог отвести глаз от этой женщины. В ней слились воедино блестящий ум, неукротимая воля и чарующая притягательность. Ни тени смущения, ни намёка на неуверенность – лишь спокойная, властная сила, от которой сладко замирало сердце.

Она не стремилась понравиться – она внушала желание. Не умоляла – властвовала. Не просила – принимала поклонение как естественную дань. Её харизма действовала подобно магниту: можно было сопротивляться, пытаться отстраниться, но притяжение оставалось – неотвратимое, всепоглощающее. Мэтью отчётливо понимал: перед ним не просто женщина, а подлинная стихия. С ней бессмысленно бороться –

---

² Кто любит всадника, любит и конюха (фр.).

³ Именно – «Любовь слепа» (фр.).

можно лишь покориться, отдавшись её волнам, и надеяться, что это не станет падением в бездну.

– Что будет, если Кристина обо всём узнает? – задумчиво произнёс Мэтью, словно размышляя вслух.

– Ничего не будет, потому что она не узнает, – голос Виктории прозвучал твёрдо, почти угрожающе. – Почему ты спрашиваешь?

– Чисто гипотетически – вдруг кто-то проговорится? Что тогда?

– Тот, кто это сделает, пожалеет об этом – я уничтожу его! – её голос стал ледяным, а глаза сверкнули стальным блеском.

– Не могу поверить, ведь все были уверены, что Кристина твоя родная дочь... – словно рассуждая сам с собой прошептал Мэтью. Он взглянул на Викторию, словно заново оценивал её. – Теперь я вижу, что между тобой и Кристиной нет ничего общего, кроме денег, – она совсем не похожа на тебя.

– Увы, – согласилась она, и в её голосе проскользнула тень горечи. – Как ни банально это звучит, но ты прав: Кристина – моя суть, но не плоть и кровь.

Слова повисли в тишине – тяжёлые, словно капли холодного дождя на поникших листьях. Виктория умолкла, погрузившись в пучину собственных мыслей. Рука невольно потянулась к бокалу. Ещё один глоток – и хрупкая грань осторожности, столько лет служившая ей защитой, дрогнула и рассыпалась в прах.

Вино больше не приносило радости – лишь горькое послевкусие давних ран. Виктория годами скрывала их за маской холодного равнодушия. Этот вечер должен был сложиться иначе, но Мэтью... он всё испортил, когда затронул то, что она берегла от чужих глаз. И всё же, к собственному удивлению, она почувствовала странное облегчение.

– Тот, кого ты любила, тебя бросил? – почти шепотом высказал свою догадку Мэтью.

– И да и нет – его убили.

– Убили? Что это значит? Как? За что? – его голос дрогнул как хрупкое стекло.

– Мэтью, умоляю, с меня хватит, – прошептала она, и слова потонули в дрожащем вздохе.

Виктория снова подняла бокал, словно алкоголь мог защитить её от реальности.

– Я никому не расскажу, клянусь! – он настойчиво подливал ей вино. – Да и зачем мне это? Я люблю тебя больше всего на свете! Расскажи мне, увидишь: тебе самой станет легче!

Она замерла, борясь с собой, а потом едва слышно выдохнула:

– Может, ты и прав... – слеза сорвалась с её ресниц и упала на пол – тихий, почти незаметный знак капитуляции перед нахлынувшими чувствами.

Виктория медленно подняла обе руки вверх, и Мэтью замер. То, что он увидел, поразило его – едва заметные белё-

сые линии на тонких запястьях Виктории казались следами когтей самого дьявола. Они были похожи на застывшие реки на её коже. Мэтью почувствовал, как кровь отливает от лица.

– Это... шрамы? – прошептал он.

Виктория кивнула, и новая слеза, скатившись по её щеке, упала на пол.

– Я думала, что смогу забыть, смогу жить дальше. Но каждый раз, когда я смотрю на них, я вижу его лицо. Слышу его голос. Чувствую его руки.

«Кого?» – Мэтью хотел узнать имя виновника её мук, но боялся прервать откровения Виктории.

– Я удалила большинство из них лазером, – продолжала она, – но часть оставила как напоминание.

Её пальцы дрожали, когда она касалась шрамов. Мэтью видел в её глазах целую вселенную боли, которую она носила в себе годами. И он понял: теперь он – часть этой истории. Часть этой боли.

– Майкл – моя первая любовь, – Виктория нашла в себе силы улыбнуться. – Всё в точности как в романах: первый взгляд, первое прикосновение, первый поцелуй... Я тонула в нём, понимая – эти чувства взаимны. Но потом он выбрал другую. Время замерло, а дни превратились в вечность. Тебе не понять этого, Мэтью, ты же никогда не любил.

– Конечно любил, – убедительно соврал Мэтью и тут же спохватился: – Но только тебя! Клянусь!

Признание в любви вышло неловким и слишком неряш-

ливым для аристократа.

Она слегка поморщилась и улыбнулась ему:

– Почему же я тебе не верю, Мэтью?

– Моя любовь не показная, Вик, она внутри, скрыта от посторонних глаз. Только для тебя, эксклюзивно твоя! Ты просто ещё не всю её видишь.

– Это намёк?

– Всего лишь предложение, – загадочно улыбнулся он. – Но вот чего я не пойму: если ты любишь этого Майкла, то каким боком тут Джордж Ривер?

– Он был другом Майкла, но любил меня иначе. Безмолвно, преданно, не требуя ничего взамен. Его любовь была незаметной, словно он чего-то ждал, не решаясь заявить о ней. А затем... Между ними произошла ссора, и Майкла не стало.

Мэтью слушал затаив дыхание. История разворачивалась перед ним словно древний свиток, написанный кровью.

– Ссора? Из-за тебя?

Виктория вздохнула:

– Этого ты никогда не узнаешь.

– Я не понимаю... Получается, Кристина – дочь Майкла. Тогда кто же её мать, если не ты?

– Ей сказали, что девочка умерла, – Виктория замолчала, понимая, что сболтнула лишнее, и с подозрением посмотрела на Мэтью.

Он стоял с бутылкой шампанского в руках, чувствуя, как

земля уходит из-под ног.

– И ты это сделала? Поверить не могу, – произнёс Мэтью, садясь с нею рядом.

– А ты и не верь, – прошептала она, прижимаясь к нему всем телом. – Просто люби – этого достаточно... – Её губы нашли цель, и мир вокруг них перестал существовать.

Мэтью поднял Викторию на руки и отнёс в свою спальню. Оба едва сдерживали нетерпение. Шампанское, разбавленное адреналином, подстёгивало их чувства – всё вышло из-под контроля. Виктория вцепилась в его рубашку, разрывая ткань, ногти оставляли следы на коже. Он не сопротивлялся, полностью отдавшись моменту.

В полумраке слышалось лишь их дыхание и слова обещаний, которые никто не собирался воспринимать всерьёз. Ни Мэтью, ни Виктория не заметили, как в окне мелькнула тень. Незванный свидетель наблюдал за ними – и это стало точкой отсчёта грядущих перемен.

Глава 5

ПОХОТЬ: ГРЕХ, ЧТО РАЗЖИГАЕТ ПЛАМЯ

В ошибке любой женщины есть вина мужчины.

Иоганн Готфрид Гердер

– Зачем тебе столько денег? Я и так покупаю тебе всё, но ты просишь сумму, на которую можно купить «боинг», – Джордж пристально смотрел на Викторию, пытаясь разга-

дать её истинные намерения.

Он редко отказывал ей, исполняя любую прихоть, но сейчас ситуация казалась совершенно иной. Эта неожиданная просьба выглядела лишённой всякого смысла.

– Этой суммы едва ли хватит на одно его крыло! – возразила Виктория, в голосе которой звучали нотки раздражения.

Однако Джордж сохранял полное спокойствие, его лицо оставалось непроницаемым.

– Значит, нет? – с угрозой в голосе поинтересовалась Виктория.

– Нет значит нет, – отрезал он.

– Ладно...

Виктория развернулась и вышла из его кабинета, хлопнув дверью, словно опустила невидимый шлагбаум, который разделил не только их отношения, но и ту малость, что ещё оставалась между ними, включая постель. Однако Джордж, казалось, даже не заметил её ухода. Едва Виктория ушла, как он погрузился в изучение *The Journal of Finance*, с головой уйдя в анализ рынка ценных бумаг.

Решение попросить у мужа денег не было спонтанным, скорее это был шаг отчаяния, рождённый её наивной доверчивостью. Мерзавец Мэтью, узнав тайну происхождения Кристины, решил шантажировать Викторию, полагая, что перед ним бездонный кошелёк.

Категоричный отказ мужа не оставил ей выбора – пришлось самой опустошить его сейф. Не разбираясь в истинной ценности содержимого, она забрала всё до последней монеты, решив подстраховаться. Уходя, Виктория оставила дверцу сейфа открытой – молчаливый женский протест, вызов мужской скупости и жадности.

Она ворвалась в особняк Мэтью словно вихрь и с грохотом высыпала содержимое сумки на полированный стол. В этот момент он чистил яблоко. Острый как бритва нож в его руке двигался размеренно, почти медитативно. Небрежным жестом Мэтью предложил фрукт гостье.

Виктория, даже не удостоив яблоко взглядом, резким движением выхватила нож из его руки и с силой отбросила в сторону. Металл со звоном ударился о стену, а яблоко, покотившись по паркету, замерло у камина.

– Ты этого хотел? – её голос прозвучал неожиданно спокойно, когда она указала на банкноты, веером разлетевшиеся по столу.

Мэтью опустил глаза, его лицо исказила болезненная гримаса:

– Прости, у меня долги... Я банкрот.

– Почему раньше не рассказал мне об этом? Искал подходящий момент? Что ж, поздравляю – ты его нашёл. Думаю, на этом всё...

Виктория развернулась, намереваясь уйти, но он схватил её за руку.

– Прости... Я презираю себя за это, но ты должна понять – у меня не было выхода.

– Пошёл ты! – её голос дрожал от ярости. – Выбор есть всегда, и ты свой только что сделал! Желаю тебе сдохнуть!

Резким движением она вырвала руку и почти выбежала из комнаты. Мэтью, словно призрак, последовал за ней с единственной целью проводить. У массивных ворот его особняка они на секунду застыли. Воздух между ними звенел от невысказанных слов, от боли и разочарования. Её презрительный взгляд был красноречивее звонкой пощёчины.

Мэтью понимал: ему никогда не удастся встретить женщину прекраснее. Она это знала и была готова ему это доказать. Он провожал её нежным взглядом, полным нескончаемой боли и сожаления, а в её сердце кипела лютая ненависть.

Вернувшись в библиотеку, он погрузился в горькие воспоминания о мгновениях нежной страсти, проведённых в её объятиях. Но стоило его взгляду упасть на банкноты, небрежно разбросанные по столу, как образ Виктории померк, уступив место алчности. Мэтью торопливо пересчитал денежные пачки и аккуратно сложил их стопками перед собой. Откинувшись на высокую спинку стула, он глубоко вздохнул и прикрыл глаза, погружаясь в мир иллюзий.

Тень, отделившись от стены, нависла за его спиной, подобно беспристрастному ангелу возмездия, беззвучная, неотвратимая... Острое лезвие, едва коснувшись кожи горла, погрузилось глубже, рассекая ткани. Мэтью распахнул глаза,

полные ужаса, пытаюсь разглядеть своего убийцу, но так и не смог – жизнь уже покидала его.

Тусклый свет настольной лампы в кабинете Рэя Стоуна отбрасывал причудливые тени на страницы экспертного заключения. Было уже за полночь, но вместо того чтобы идти домой, он опёрся локтями о стол, погрузившись в лабиринт сухих строк отчёта криминалистов. Каждое слово, каждая деталь улики откладывались в памяти механически, будто зубцы невидимой шестерёнки, но цельная картина упорно не складывалась. Мысли Рэя витали где-то вдали, за пределами этого захламлённого стола, за границами чёрно-белых фотографий с места преступления. Он вновь и вновь возвращался к одним и тем же фразам, словно надеялся, что между строк вдруг проступит лицо убийцы – чёткое, безошибочное, – но вместо этого на него смотрели лишь безликие формулировки и бесстрастные цифры.

Что-то ускользало, пряталось за пеленой усталости и монотонного шелеста перелистываемых страниц. Рэй провёл ладонью по лицу, пытаясь стряхнуть наваждение, и снова взгляделся в строки, будто они могли заговорить. Он чувствовал надвигающуюся на него опасность и впервые не мог её остановить. Какого чёрта он вообще этим занимается? Ради Джорджа Ривера? Так тому абсолютно не было дела до того, что происходило вокруг него. Скорее ради себя, поскольку случись что с Джорджем, тот потянет за собой и его, Рэя. Доверить тайны их дружбы он не мог никому.

Рэй тяжело вздохнул, отложил бумаги и устремил взгляд в окно. Сумерки окутывали город, словно подготавливая его ко сну. В этот миг пришло чёткое осознание: пора перестать быть сторонним наблюдателем. Часы на стене продолжали свой неумолимый отсчёт, будто напоминая – время на исходе.

Внезапно зазвонил телефон. Рэй посмотрел на экран – номер незнакомый. Он замер, однако его внутренний голос посоветовал ответить.

– Алло? – голос Рэя звучал настороженно. – Я слушаю... Кто это?

Но наступившая тишина хранила инкогнито абонента, только номер мог указать на его личность. Рэй тут же проверил его, но понял, что это тупик – звонок был с одноразового телефона. Лабиринт тайн, в котором он оказался, вымотал Рэя, и мозг как мог сопротивлялся, отказываясь осознавать то, что не понимал и не видел.

Рэй в очередной раз взглянул на заключение судебно-медицинского эксперта, пытаясь сфокусироваться на сухих фактах, изложенных в документе, но каждый абзац тянул за собой клубок новых вопросов.

«Смерть наступила в результате проникающего ранения передней поверхности шеи» – эти слова отпечатались в его сознании. Он представил момент нападения, воссоздавая картину преступления. Удар был точным, профессиональным – так казалось на первый взгляд. Но что, если это бы-

ла лишь иллюзия мастерства, созданная паникой и адреналином?

Рэй обратил внимание на детали: угол проникновения лезвия, глубина раневого канала, характер повреждений тканей.

Всё указывало на то, что убийца действовал хладнокровно, без колебаний. Но что двигало им в тот момент? Ярость? Страх? Или холодный расчёт?

Резкий, идеально ровный разрез – будто по горлу провели скальпелем. Удар пришёлся справа налево: классическая манера левши. Положение рук, хват, угол – всё сходится. Но пока это лишь версия. Убийца мог быть амбидекстром – владеть двумя руками одинаково... Да и оружие убийства пока неизвестно. Одна рана не даёт полной картины.

Его взгляд задержался на схеме повреждений. Нож глубоко вошёл под определённым углом, что могло свидетельствовать о росте нападавшего.

«Значит, это был кто-то выше Мэтью», – отметил Рэй.

Он представил, как преступник подходит сзади к своей жертве и нависает над ней, как лезвие рассекает кожу, мышцы, артерии и, наконец, трахею... Смерть наступила почти мгновенно – правая сонная артерия была перерезана, и обширная кровопотеря не оставила Мэтью ни единого шанса. Опытный взгляд Рэя безошибочно распознал в этом движении человека, знающего анатомию. Подобный удар, нанесённый неожиданно, практически гарантировал мгновенную

смерть. Если бы ему самому пришлось выбирать способ атаки, он, возможно, поступил бы так же.

Рэй поморщился, вчитываясь в отчёт эксперта:

«На кожных покровах спины и плечевого пояса выявлены поверхностные повреждения эпидермиса, квалифицируемые как ссадины и царапины. Морфологические признаки (форма, ориентация и характер краёв) позволяют предположить, что травмы образовались в результате воздействия ногтевых пластин. На основании стадии заживления (подсыхание поверхности, формирование корочек) ориентировочная давность нанесения повреждений составляет 48–72 часа до момента осмотра».

Фраза хотя и звучала сухо, но от этого не становилась менее красноречивой – кто-то вцепился в жертву ногтями, возможно, в порыве страсти. Этот пройдоха Мэтью знал своё дело. Неудивительно, что его бурная жизнь завершилась столь плачевно.

Вполне возможно, какой-то муж, узнав об измене супруги, расправился с Мэтью и скрылся с места преступления. Следуя логике, можно было ожидать ещё один труп или потерпевшую со следами побоев на лице. Если бы всё было так просто, уже завтра он нашёл бы убийцу и надел на него наручники.

Рэй усмехнулся и покачал головой. Он понимал, что заключение эксперта – это лишь часть пазла. Чтобы сложить полную картину, нужно собрать все кусочки: показания сви-

детелей, результаты экспертиз, улики с места преступления. Только тогда можно будет понять, что произошло в ту роковую ночь. Мысли Рэя кружились в голове, словно вихрь осенних листьев, подхваченных порывом ветра. Он вновь и вновь возвращался к образу Мэтью Конора, пытаюсь сложить воедино все факты его жизни и смерти.

Мэтью имел репутацию искусного обольстителя, пользующегося неизменным успехом у представительниц прекрасного пола. Его имя звучало в каждом салоне красоты, в каждом модном бутике. Модельер с безупречным вкусом и связями в мире высокой моды, он умел очаровывать, кружить женщинам головы. Дом Мэтью хранил следы незримых гостей: призрачный аромат духов, едва уловимый шорох платьев и отголоски разговоров – бесчисленных любовных интриг, в которых каждое слово звучало двусмысленно.

Однако всё выглядело прилично, в рамках дозволенного. Среди его любовниц не было ни одной, кто бы мог хладнокровно нанести смертельный удар. Все они – хрупкие создания, а не монстры, способные на убийство.

Драгоценности... Они вообще не вписывались в общую картину. Было бы проще, если бы они исчезли, это можно было объяснить. И способ убийства... Когда режешь горло – хлещет кровь. Как смог убийца при этом не оставить абсолютно никаких следов? Все эти вопросы наводили на мысль о хорошо спланированном замысле, а не спонтанном действии.

Он отложил документ и задумался. Следы от ногтей на теле жертвы – явно работа женщины, но с момента их появления уже прошло почти три дня... Сколько женщин за это время перебивало в жизни Мэтью? Две? Три? А может, больше... Этот человек умудрялся утром флиртовать с одной, за обедом ухаживать за другой, за ужином расточать комплименты третьей, а что творилось в его спальне по ночам – Рэй предпочёл не представлять, лишь брезгливо поморщился.

Затем Мэтью убили... Труп был обнаружен служанкой утром – она утверждает, что никого не видела. Почему? Покрывает кого-то, а может, это она его убила... Если удар ножом нанесла женщина, тогда получается, что Итан был прав, намекая на любовниц Мэтью. Но вот чего Итан не знал, так это то, что среди них на первом месте была Виктория – жена Джорджа Ривера. Их нередко замечали вдвоём, а вольные манеры в общении друг с другом были заметны каждому.

Что, если смерть Мэтью – её рук дело? Тогда как объяснить найденные у Мэтью драгоценности? Сама Виктория всё отрицает – и правильно делает, поскольку знает, что ни сам Рэй, ни тем более Джордж её не тронут.

Эта догадка ему совсем не понравилась. Он взял распечатку с камер наблюдения в доме Риверов в день кражи из сейфа и справку по камерам в доме Мэтью в ночь его убийства.

Всё сводилось к одному – ко времени смерти: 12:10 ночи.

Потом убийца исчез. А за час до этого здесь была женщина. Он вглядывался в фотографию – нечёткую, но достаточно ясную. Виктория. Жена Рэя и в то же время любовница Мэтью. Неожиданно? Ничего подобного. Но почему Мэтью мёртв? Допустим, она взяла деньги мужа и отдала их Мэтью. Но что могло заставить её пойти на убийство? В этом и был весь вопрос.

Картина преступления обрастала новыми загадками. Рука Рэя потянулась к бутылке бренди, стоявшей в потайном баре среди книжных полок. Старый верный друг бренди никогда не обманывал его ожиданий и всегда выручал в тупиковых ситуациях. Сейчас бутылка манила игрой света на гранях, суля ясность ума и свободу рассудка. Однако Рэй не торопился сделать первый глоток.

Взяв чистый лист, он быстрыми движениями вывел хронологию событий: всё, что произошло до убийства и после него.

11:25 PM – Виктория покинула дом Риверов.

11:45 PM – она вошла в дом Мэтью.

12:04 AM – Виктория и Мэтью вышли из дома, попрощались; после этого Виктория продолжила путь, а Мэтью вернулся в свой дом.

12:10 AM – предполагаемое время смерти Мэтью.

7:00 AM – служанка обнаружила тело Мэтью и вызвала полицию.

Других посещений дома Мэтью не было.

Рэй мысленно вернулся к беседе с Итаном, когда тот заинтересовался временем смерти. Тогда он ответил:

– Часы остановились ровно в момент, когда Мэтью скончался – или, во всяком случае, приблизительно в это время.

Виктория вернулась домой в 12.26. Почему часы остановились в момент смерти Мэтью? Ответ один: убийца зафиксировал время смерти, чтобы отвести подозрения от Виктории. Кто он? Очевидно, что её сообщник – Джордж. Это вполне возможно. В любом случае, Виктория не убивала Мэтью, поскольку она попросту не успела бы это сделать. На дорогу ушли те же двадцать минут, что и на путь к дому Мэтью. Она никуда не заходила. И самое главное – вернулась без сумки. Но что, если он ошибается?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.